

10-го мая 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

11

11

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

10-го травня 1928 р.
ПРАГА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. Павел Поляков: Казакам. Стихи.
2. П. Атаманцев: * * * (Стихи).
3. Гнат Макуха. * * * (Стихи).
4. Юрий Гончаров: Весенние думы. Стихи.
5. Любовь Самсонова: * * * Стихи.
6. Борис Кундрюцков: В сарае.
7. О. Олесь: Злидні.
8. Санжа Балыков: Две атаки.
9. Я. Рудик: * * * Стихи.
10. Вынужденная полемика.
11. Ис. Быкадоров: Пособники Советской власти.
12. О. Долинский: Сепаратизм, федерализм и самоопределение народов.
13. И. Билый: О роли чужих.
14. Мих. Минаев: Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.
15. Д-р С. Федоров: Донцы в наследии Чингис-Хановом.
16. Вл. Куртин: Кубани.
17. Печать о „Вольном Казачестве“.
18. Казачья эмиграция.
19. Международная жизнь.
20. Думы и мысли казацьи.
21. В Казачьих Землях.

Почтовый ящик

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Бельгия — Льеж — S. — За все информации будем очень благодарны. Наше приветствие Вашему Атаману, которого хорошо помнят. Пожелание Ваше исполнено.

Болгария. — П. Н. — Вы пишете: „... я казак, рожденный в пахучей полыни знойных степей Тихого Дона.“

Идея Вольного Казачества в искреннем братском соглашении и единомыслии Украины, Дона, Кубани, Террека, Урала, Горного Кавказа и казаков далекой Сибири для меня мечта и святыня, а святыня — борьба!.. борьба смелая, нелицемерная, оправдывающая благородную идею Союза Юго-Восточных Казачьих Республик ... Казачьих группировок много, но все они — миф. Устами чтут, но сердце далеко отстоит от истины. Все ведут борьбу, чтобы не оскорбить „барина“. Жалкое слабоволье! Бороться и трепетать перед мыслью: а вдруг? Лучше не затеваться! Такая борьба победы не принесет. Многие действуют политической хитростью, чтоб околпачить казака, но это не поможет. Все, что делается втайне, будет явно.

К России же не могу питать добрые чувства, ибо последняя за понесенные жертвы, муки и страдания в минувших веках, отблагодарила разбойническим опустошением и скрытым презреньем. Тоже повторилось в эпоху последней революции.

Братья, вольные казаки!

Коль попорны святыни Казачества — Дона, Кубани... подобает ли нам хныкать о России?

Татары, киргизы, самоеды, немцы-колонисты и пр. имеют право на самоопределение, а казаки — племя опасное — ни за что!

Все на борьбу за Вольное Казачество! — Почитаем Вас, как героя Дона. Будем рады, если и другие казаки будут так же любить Казачество!

По интересующим Вас и нас вопросам снесемся почтой.

Далмация. — В. К. Письмо получено. Просимое исполнили. Думаем, затронутый В. вопрос поставить шире. Посылаем письмо. Некоторые подробности потом только лично.

Литва. — С. — Рады тому, что нашли для себя подходящую почву. Вы пишете: „когда мне удастся здесь легализоваться, то я пропишусь не как русский, а как Донской казак“. —

Всему Донскому казачеству во всех государствах надлежит следовать Вашему примеру.

Польша. — Л. — В ближайшее время Вас посетит наш представитель.

Польша. — В. О. Коли з нас кожен зробе для справи стілько, скільки зможе, то й того буде досить. Вітаємо.

Польша. — В. П. — Письма получили. Очевидно, сделаем. Рады за Ваше бодрое настроение. Подробности письмом.

Румыния. — Е. — Очень просим материалы, о которых Вы пишете, прислать.

Франция. — К. — Одержано. Установимо звязок. Франция. — Sens. — С. — Пожелание Ваше исполнено. — Орфография и дальше будет сохранена.

Югославия. — Белград. — Пред. Стан. Сбора Дон. станицы им. М. П. Богаевского. —

В следующем номере журнала получите раз'яснение по содержанию Вашего письма.

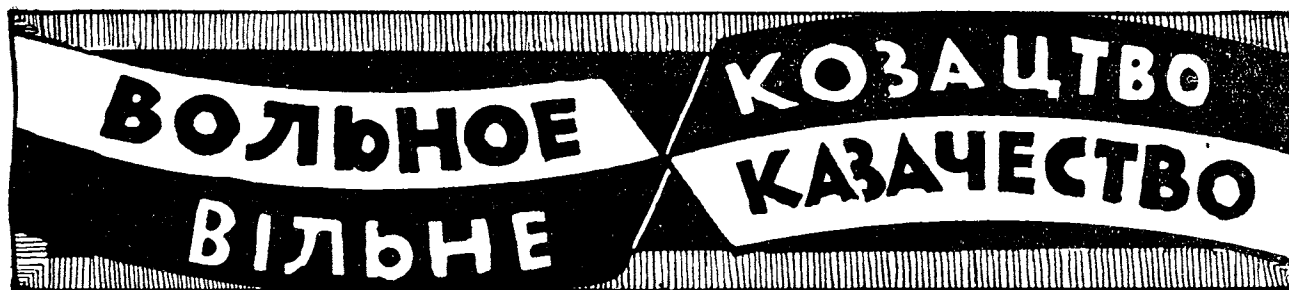
Югославия. — Горажде. — Донской Корпус. — X. — Вольное Казачество шлет свой горячий привет молодым борцам за казачьи вольности и надеется, что в ближайшее время поможет вам найти выход из тягелого положения.

Югославия. — Г. — Порыв Ваш нам понятен. Вольное Казачество Вам весьма признательно. Надеемся, что на месте Вы лучше используете то, о чем Вы пишете.

Югославия. — Белград. — М. К. — Письмо получили. Подробный ответ письмом.

Югославия. — В. К. — Письмо получили. Принято. „Окончание“ не было помещено — считали, что так будет лучше, цельнее. Потом сообщим Вам подробное письмо.

Югославия. — Гн. М. — Листа В. дістали. Що Ви розшукали ще де-кого — ми дуже раді. Напишемо їм окремо. Раді і за „учених донців“. Потроху все вирівняється і буде горазд.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 11.

Прага, четверг 10-го мая 1928 г.

№ 11.

Павел Поляков.
(Белград).

КАЗАКАМ.

Гей, готовьте сбрую, наточите шашки —
День последней схватки близок — недалек!..
По степи родимой расцветает кашка
И ковыль шевелит вольный ветерок.
У кого есть седла, у кого винтовки —
Осмотри, почисти — близится война.
Мы крепки, как скалы, как пантеры ловки —
Старых вожделений близки времена.
Мы поищем правды, не бояся бури,
Смоем боль столетий кровавым дождем,
Сверженному Богу фимиам воскурим
И у ног Свободы жертвы принесем.
Нам не страшны сабли, нам не страшны пули —
Наших сил казачьих смерти не сломить.
Вихрем наши лавы в гике, реве, гуле
Вновь сумеют Степи волю воротить.
Нам враги не страшны, не грозим отмщеньем —
Мы хотим свободы, правды и любви.
Может быть мы слишком полны всепрощеньем,
Выросшим на нами пролитой крови.
Нам войны не надо для завоеваний,
На чужую хату местию не пойдём, —
Но сумеем биться за родные грани
И за нашу волю на степи умрем.
Кто понять нас может, кто понять сумеет
Из души казачьей всем пошлем привет.
В нашем сердце жажда воли пламенеет
И отмщенью места в нашем кличе нет.
За заветы воли, за казачью славу,
За свою свободу мы зовем на бой.
До родной границы пронесутся лавы
И трубач сыграет переливно — „стой“!

П. Атаманцев.
(Болгария).

* * *

Над уснувшею степью, над старой рекой
Ночь спустилась в объятых туманов.
В темноте непрерывной плывут чередой
Тени грозных Донских Атаманов.

Приутихла широкая старая степь.
Молча думают думу курганы.—
И таинственна их беспредельная цепь,
А над ними летят Атаманы.

Стон стоит над широкой родимой рекой:
Победитель злорадно пирует, —
Все святое поправ своей грубой ногой —
В вихре дьявольской пляски танцует.

Пир во время чумы над останками тех,
Кто за веру за честь свою бился...
Веселится теперь Сатана без помех:
Нет уж тех, кто пред ним не смирился!

Но бурлит и бушует седая река,
Грозно силы свои собирает.
Не сломил до конца Сатана казака —
Час свободы над Доном витает!...

... Над уснувшею степью, над старой рекой,
В темноте полуночных туманов.
Непрерывной и стройной плывут чередой
Тени грозных Донских Атаманов.

1928.

.....

Гнат Макуха.
(Югославия.)

* * *

Візьміть ви славу, злата гори,
Земні всі блага — все собі,
Візьміть і долю, дайте горе, —
Лише Кубань лишіть міні.

Хай буду старцем на ній жити
І лихо в торбі вік носити, —
Зате — їй син — її як Матір
В страданнях буду я кохати.

Я з нею лиха не відчую
І понесу й надалі стяг —
До неї, Рідної, мою святую
Любовь безмежну в грудях.

Юрий Гончаров.
(Брно).

ВЕСЕННИЕ ДЫМЫ.

И — ты, и — я, мы хрусткие снежинки.
За крыльями зимы промчались туда —
Где ночи — как хрусталь и дни — как пламень
жидкий,

Где в снежной синеве зыбятся города...

Мы видели во льдах узорные окошки
В глубины капищ северных богов!
Мы излетали все завьюженные стѣжки,
Овеянные сном и песнями снегов.

Смотри вперед: за пряжею мятелей
Весенние дымы взметнулись к небесам!
Иные голоса в подлуньи прогремели!
Велели людям жить и — зеленеть лесам.

Смотри вперед: вечерний воздух звучен,
И в солнечной стране ликует буйный ритм!
Торжественный костер весна зажгла под тучей,
Скорей!.. Летим туда и — в пламенах — сгорим...

*****

Борис Кундрючков.
(Югославия.)

В сарае.

— Эх, братцы, братцы... казаки-станичники...

Степан укоризненно покачал головой и дернул плечами. Крепко связанные руки сзади, перетянутые волосными бичевками, хрустнули при движении и концы пальцев потемнели от прилившей, застаивающейся крови.

— Эх, братцы, братцы...

Устремленные серьезно в темноту глаза атамана ощущивали, отыскивали во мраке глухо на глухо запертого сарая своих сподвижников... Там же на сене человек шесть казаков - предателей помешано между ними.

Стерегут и внутри и снаружи.

— И вот говорю я вам...

— Молчи, — грубо и сокрушенно прерывает Туровер, казак караульный — не говори, Стенька...

Атаман замолчал, но всем кажется что еще шевелятся его губы, еще кажется, что улыбнулся он, наклонив голову.

Жирные, черные кудри свалились на лоб...

— Не говори, Стенька, — повторил Туровер и как многие люди, любящие высказываться до конца стал в темноту кидать фразу за фразой.

Любовь Самсонова.
(Прага).

* * *

Из цикла „Песни женщины Казаки“.

Вся степь поет и с нею я,
Мой голос громче, громче льется...
О, жизнь моя, о, песнь моя —
Кто на призыв мой отзовется?..
Я выросла, как дикий цвет,
Я рождена для ласк и воли!
О, кто же, кто же мне в ответ
Свой голос бросит с сладкой болью?
Мои глаза чуть-чуть косы,
И щеки смуглы от загара,
Венок степной взамен фаты
И шолка алого шальвары.
Полет коня и свист стрелы,
Коварная петля аркана —
Мне так привычны и милы,
Как дымный круг родного стана!
Пою — и песнь моя летит,
И степь ответ мне свой приносит...
Кого то конь сюда примчит?..
И на седло меня кто бросит?..
Три дня пою я на заре, —
Быть может, ждет он на кургане, —
Меня умчит он на коне
С свирепой страстью урагана!
Трепещет девичья грудь,
И кровь моя огнем пылает...
О, страшный, о желанный путь!
О, что судьба в себе скрывает?
Густятся тени, меркнет свет,
Темнеет... песнь моя зовет!
Отец в набеге... братьев нет...

.....
Кто назовет меня своей... О, кто мне косы
расплетет?!..

— Мы все понимаем... все... — а сказав „все“ вдруг возмутился упорством Разина, — сказано, Войску гроб будет... Не совладаем — нюха собачьего не порадуем... Душа, Степан... Душа... Чижало...

Чем несвязней говорил, тем больше мучился. Ну, как его там передать... И казак де и все такое, может и почище Разиновской братии, а вот... Духу не хватает супротив России... Своих предают... А духу...

Заговорил Разин.

— Дурак, дурак и есть. Мыслишка то у тебя откедова такая... Видал Тарас я один десятерых гонял... Видал?

— Видал.

Совсем тихо стало в сарае... И давила эта сила мощности разиновской, и смущала и волновала душу. Загорались как то стихийно во тьме — одни — злобой пенной, другие — восторгом. Чудилось, нельзя его ни убедить, ни сломить.

Тверд как сталь, упорен как гранит.

— Мало нас, — угрюмо замолчал с открытым ртом Тарас.

— Опять улыбнулся Разин... Почувствовали все.

— Войсков у меня было... Много разного всякого

народа... И ничего-то они все не стоили... Которые казаки за мной пошли, те только и были... До конца были... И пымали меня енти — не мои...

Улыбається Степан...

— Братцы, братцы... Казаки-станичники...

Вспомнилась Персія, любовь атаманова... Все отдал Стенька. Им отдал...

Вскочил Тарас с сена...

— Да...а скажи же, дьявол. Усе за тобой пойдём... Чичас развяжу... Што мы не казаки што-ль?..

Вздогнул Степан... Как орел... почувял... Вот она казачья гордость... Вот она свобода... Волюшка степная да бескрайная... Забилась кровь в орлиных крыльях, затрепетали, зазвенели перья. Зачертить бы опять синеву небес кругами, поклекотать о том, как мельчает люд... Заблестели глаза... Окреп голос...

— Сердце у нас больно широко было... Большое сердце было у казака. Думали мы усе такие же вот... От барства да измывательства ослободить хотел я... Их ли я не любил... Не из-за них ли все грехи на душу принял... Сбегутся теперь трусы все на мою казнь зенки таращить. А пальцем — никто не шевельнет... Не то больно... Богу одному ответ только и дам. Вы то вот казаки... Братцы, братцы... станичники...

Туровер как ужаленный...

— Верно, Стенька, все с тобой... Не выдадим... Этого мы, того... Эного — самого...

Как ужаленный...

— Не дадим казака Москве... Верно я говорю... Не видать им Степ...

Круглую дырку в широкой двери сарая загородила чья то тень, отрезав, как ножом, пробивавшиеся лунные лучи... Чьи то прилипшие к доскам губы загудели в сарай.

— Чево за шум... Подмога нужна?..

Тарас умолк... Опустился как то вяло на сено, выдернул из под себя полу длинного чекменя... А глаза атамана, устремленные в темнату, щупают, осматривают перевязанных своих казаков.

Усмехается...

— Гг-ы... — кто то фыркнул в темноту...

И общий вздох пронесся в воздухе.

И Туровер чувствует, прямо чувствует — опустил голову Стенька — смеется... Чуб густой и жирный упал на лоб. Сломалась на груди богатырской черная лопатой борода. — Братцы, братцы... Шепчут губы и из угла, где завалился за снопом есаул Черемисов, неслется шипяще и горько:

— Казаки подколодные...

*****

О. Олесь.

З л и д н і.

Казка в 4-х картинах.

І. Картина.

Хата Убогого Брата.

Чоловік. (Убог. бр.) Ти чомусь змарніла
За останні три дні...

Жінка. Схуд і ти неначе:
Нас заїли злидні.

Чоловік. Чи ж не роботяща
Змалку ще була ти,
А чи я, ледячий,
Знав лише гуляти?!
У людей земляка,
Зарібки, достатки,
Всього для їх вволю
В долі — паніматки.
Ось... хоч брат... Ні з чого
Став він багатіти,
Жінка в його вбрана,
В черевичках діти.
А у тебе плахта
Витерта, подерта,
За весь вік, здається,
Третя, чи четверта.
А на себе гляну, —
Соромно дивитись:
Латка скрізь на латці...

Жінка. Так звелось життя ні на що
І нема надій на краще:
Сядь тай сходи з розпуки слізьми...

Чоловік. Брат казав, що в куми візьме.

Жінка. З того станемо багаті?!

Чоловік. Хоч буватиму у хаті:
Кум до кума може йти
И серед ночі...

Жінка. Ну й брати!..

Чоловік. Що брати?! та брат багатий
Не підпустить і до хати!
Кум до кума, — инше діло:
Иди хоч тричі, як приспило.

Жінка. Ти вже був і сват, і кум,
А що з того? Сміх та глум...

Чоловік. Так то зовсім — чужі люде,
А инакше з братом буде!..
...Брат казав: „Різдва б діждати, —
Буду в куми тебе звати“.

Жінка. То сміявся він з голоти...

Пошукав би ти роботи:
Тільки працю придбаеш...
Чоловік. Та що, жінко, ти гадаєш!?
Скрізь посуха, лихоліття, —
Де не підеш — безробіття.

Жінка. Це все доленька щербата!..

Чоловік. Всі сподівованки на брата:
Як за кума візьме, знову
Заведем коня, корову,
Заживем в біленькій хаті
І щасливі, і багаті.

Жінка. Ти думками багатієш!
Ранку ввечорі радієш.

(Вбігає трое дітей.)

Діти. Мамонько. їсти...
Жінка. Добре... не лізьте...

І Дитина. Хліба, олії...

Жінка. Марні надії...

І Дитина. Шматочок сала.

Жінка. Мишка украла!
Мишка проклята...
Просіть у тата.

І Дитина. Тату, не лайте,
Їстоньки дайте!..
Скрізь ми блукали,
Їсти шукали,

Були у полі,
Та ниви голі,
Ні колосочка,
А ні зернятка:

Все позбірала
Птахи, звірятка.

Тату, не лайте,
Їстоньки дайте!

Чоловік. Дітоньки рідні,
З'їли все злидні:
Нічого дати...
Душу б продати!

... Візьму я скрипку,
Піду, заграю,
Як не здобуду,
Серце розскраю.

Чоловік. Дітоньки рідні,
З'їли все злидні:
Нічого дати...
Душу б продати!

... Візьму я скрипку,
Піду, заграю,
Як не здобуду,
Серце розскраю.

Чоловік. Дітоньки рідні,
З'їли все злидні:
Нічого дати...
Душу б продати!

... Візьму я скрипку,
Піду, заграю,
Як не здобуду,
Серце розскраю.

Чоловік. Дітоньки рідні,
З'їли все злидні:
Нічого дати...
Душу б продати!

... Візьму я скрипку,
Піду, заграю,
Як не здобуду,
Серце розскраю.

Чоловік. Дітоньки рідні,
З'їли все злидні:
Нічого дати...
Душу б продати!

... Візьму я скрипку,
Піду, заграю,
Як не здобуду,
Серце розскраю.

Чоловік. Дітоньки рідні,
З'їли все злидні:
Нічого дати...
Душу б продати!

... Візьму я скрипку,
Піду, заграю,
Як не здобуду,
Серце розскраю.

Чоловік. Дітоньки рідні,
З'їли все злидні:
Нічого дати...
Душу б продати!

... Візьму я скрипку,
Піду, заграю,
Як не здобуду,
Серце розскраю.

Чоловік. Дітоньки рідні,
З'їли все злидні:
Нічого дати...
Душу б продати!

... Візьму я скрипку,
Піду, заграю,
Як не здобуду,
Серце розскраю.

(Входить Молодиця.)

Молодиця. Добридень вам!..

Жінка. Добридень!..
 Молодиця. Що в вас доброго, нового?!..
 Жінка. В нас ніколи і нічого.
 Молодиця (*позіхаючи*) Спати хочу! Цілісеньку нічку
 Все варила, та пекла,
 І оце вам принесла
 Нишком паляничку (*дає*).
 Діти. (*Обступаючи*) Дайте нам, дайте нам...
 Жінка. Поламаю! зараз дам.

(*Роздає дітям. Діти рвуть із рук хліб і однімаючи
 один у другого, вибігають з хати.*)

Молодиця. — Спати!.. Цілу ніч не спала
 Вашим в хаті помагала.

Чоловік. Що ж там доброго у брата?

Молодиця. Та готуються до свята:
 По обіді в їх христини...

Чоловік. Та немає ж ще дитини!

Молодиця. Як?! Ще в середу знайшлась...
 Такі радощі у нас!

Чоловік. Шпапку! Жінко! Я ж не знав,
 От би в кумах побував!

(*Хапає шапку і біжить з хати.*)

Жінка. (*Вслід.*) Та тебе ж ніхто не кличе!
 Як ти людям глянеш в вічі?!

II. Картина.

*Хата Богатого Брата. На лавках, що ідуть по-під
 стінами, за столами, повно людей. Всі огрядні, добре
 вбрані.*

Господиня з пляшкою і чаркою в руках обходить гостей.

Господиня (*частуючи*). Просить вас малий Омелько,
 Щоб ви випили смашненько.

Гість I. (*беручи чарку*). Ну, то хай росте здоровий,
 Кароокій, чорнобровий,
 А такий міцний, як дуб,
 Щоб тріщав у батька чуб.

Гість II. Ха-ха-ха, хе-хе-хе,
 Оттаке! і втне ж таке!

Господиня (*до III гостя*). Просить вас малий Омелько,
 Щоб ви випили смашненько.

Гість III. А я випью за малого,
 Щоб бряжчало срібло в його,
 Щоб мав grunt він чорний, добрий,
 Та щоб біг він ген, за обрий,
 Та щоб пан колись Омельку
 Всю продав свою земельку.

Гість IV. Не пошкодить! що й казати:
 Досить пану панувати.

Господиня (*до Кума*). Куме, випейте, наш друже,
 Щоб малий не плакав дуже.

Кум. Плаксуном не буде зроду:
 Не плакучого він роду!
 Хай росте, хай розум має,
 Вдвоє більш за нас придбає,
 Хай в ріллю впаде насіннем,
 Тягне з неї сік коріннем,
 Бо в землі вся наша сила
 І для духа, і для тіла.

Уб. Брат (*вбігає*) Вибачайте! я спізнився:
 Вранці з злиднями возився,
 Хтось забравсь в порожню стайню
 І сокиру вкрав останню.
 Ну скажіть хіба не клята
 Моя доленька шербата?!

Гість III. У голоти все зітхання,
 Та на долю нарікання, —
 Нарікай собі на руки,
 Та на розум без науки.

Уб. брат О ці б руки працювали,
 Колиб пута не в'язали.

Гість II. Та замовч! Як та сорока,
 І де візьметься морока?!

Баг. Брат (*входе і помічає Убогого Брата*).

О, і він сюди! До речі!
 Мабуть дух почув із печі!
 Зміг пізніше б попоїсти...
 Тут таким нема де й сісти.

Уб. Брат. А, здоров був. любий брате!
 Я прибіг це кумовати.
 Швидко біг: боявсь спізнитись,
 Щоб в дурних не опинитись.
 Не підожде брат, гадаю,
 Й візьме в куми когось з краю,
 А найближче — брат до брата...

Гість II. Ну, й сорока язиката!
 Уб. Брат. От я й біг сюди що сили...

Гість VI. Вже дитину охрестили...
 Бачиш — дома забарився...

Уб. Брат. Так я, людоньки, спізнився?!
 Та ж брати ми, брате, рідні...

Гість III. Є брати багаті й бідні.
 Кожний кума, всяк це знає,
 По достатку вибірає.

Уб. Брат. Так тому, що не багатий?
 Брата брат не хтів узяти,
 Так така то правда, брате!
 Це — кишеню в куми брати?
 Хто набив її повненьку,
 Той тобі за батька й неньку?!

Гість III. Хоч би й так! Хто має очі,
 Той в терновий куц не вскочє...

Уб. Брат. Що ж... посижу хоч у хаті.

Гість VI. Тут сидять лише багаті.

Уб. Брат. Я не в тебе, я у брата!..

Гість II. Ну й сорока язиката!

(*Убогий Брат сідає край стола, але люде приходять,
 сідають за стіл і однихають Убогого Брата все ближче
 і ближче до порога.*)

Господиня. Вас також просив Омелько,
 Щоб ви випили смашненько.

Гість VII. Чи не буде це багато?

Господиня. Як це так? у нас же свято!
 Закусить: ковбаска, сало...

Гість VII. Та давайте, що попало!

Уб. Брат. (*до себе*). Закусив би й я очоче:
 В животі, мов грім, гуркоче!

Гість I. (*глянувши в вікно*).
 О, Іван на бричці іде (*до Убогого Брата*)
 А посунтеся, сусіде:
 Попсуй-Шилу треба сісти,
 Та з дороги попоїсти.

Гість VIII. Бачте соколом прилинув
 І корчму свою покинув.

Попсуй-Шило (*входе*) Здоровеньки були, люде!
 Та тут вас, як маку, буде;

Ніде й сісти із дороги,
 Хоч сідай собі на ноги!

Гість II. Ха-ха-ха! Хе-хе-хе!
 От таке, і втне ж таке!

Баг. Брат. Вас, сусідоньку, не зрадим,
 Вас на покуті посадим!

Попсуй-Шило. Коли є ще в вас чарчина...
 Може б випив я за сина,
 Як назвали? Клим, Омелько?

Баг. Брат. Та по дідові: Омелько.

Попсуй-Шило. Діда... як же, добре знаю,
 Як сьогодні памятаю:
 Кремезний, мов з дуба збитий,
 Невсилучий, працьовитий;
 І шага не кинув дурно,
 Жив спокійно і безжурно.

Господиня (*до Шила*) Там малий Омелько плаче,
 Що не випили ви наче.

Попсуй-Шило. Ідіть, скажіть, що вволю волю
 І вже плакати не дозволю.

Господиня. Ось индики... Ось курчата...

Попсуй-Шило. Тай убога ваша хата!

Господиня. Де вже... де там?! це сьогодні...

Попсуй-Шило. Не закусю по одній.

Господиня. (*частуючи*) Другу випийте смашненько

Попсуй-Шило (беручи чарку) Щож? не плаче вже
Омелько?

Гість ІХ. (на піднятку до Убого Брата).

Та хоч будь розумний двічі,
А без грошей, чоловіче,
Цілий вік повзтимеш заду...
Поспитай усю громаду:
Гроші є — ти пан, людина,
А нема — ніщо! тварина!

У б. б р а т. Гроші?! що сміття! а ти...

Попсуй-Шило. (до Уб. Брата). Гроші треба берегти!

Їх не дурно люблять дуки!..
... Гроші це лани і луки,
Це — степів хвилясте море,
Яке вітер тільки оре...
... Гроші — це озера сині,
Крики — співи лебедині.
... Гроші це воли до пари,
На степах овець отари,
Що шляхами стелять хмари...

Гроші це — думки безмежні,
Руки вільні, незалежні,
Ти не скутий, ти на волі,
Гей, лети, як вітер, в полі...

Гроші це — велика сила!
Зносять вгору, ломить крила,
Гне до долу, як билину,
Оберта в ніщо людину...
... Жив і я колись злиденно,
Піт і сльози лив щоденно,
Був я посміхом у пана
І робив до ночі з рана.
Взяв шинок... узявсь за діло,
І рости, рости став Шило,
І тепер з мого корита
Їсть і п'є сам пан Микита!
І тепер сміюсь я з пана!
Приблизь: „моя пошана!
Як вам ілось, як вам спалось,
Чи нічого не вважалось“?!
Скажеш: „Сон приснівся дикий:
Снився Хам один великий,
Що, як добре всі ми знаєм,
Ще недавно був льокаєм“!
Зкривить, згорбить, скорчить, його:
„Це — нічого, це — нічого“...
І пов'ється, як гадюка...
Гроші... це — велика штука.

Гість ІІІ. Правду каже! що й казати?

Попсуй-Шило, дай обняти (цілує)

Гість VII. (пьяний) Кінь, як змії: держи за віжки,
А не вдержеш, — підеш пішки.

Гість VIII. І придача ж немаленька!..

Гість ІХ. Ну, так вип'єм за Омелька!

Гість ІІ. Що там свате чарки ждати, —
Будем з пляшки випивати! (пьють)

Гість X. (до сусіди) Поцілуй мене у руку!

Цілувати мусиш дуку...
Що ж — цілуй! чи хочеш сварки?

У б. Б р а т. Не підносять навіть чарки,

Та все сунуть до порогу...

Що ж? збираймося в дорогу...

З'їв би... й де у їх сумління?!..

Стій! в кишені є насіння!

І насіння буде досить,

Коли брат за стіл не просить. (Лузає)

Гість X. Так не хочеш цілувати?

Гість ІІ. Збирайся геть із хати!

Хіба ж хата ця — твоя?

Пьяний ти! а... може й я...

Гість XII. Це насіння ти лузаєш? (протягає руку)

У б. б р а т. (даючи). На, коли охоту маєш.

Гість ІІ. І мені насіння, свате.

Гість VII. Я також люблю лузати

Гість VIII І мені дай, друже!

У б. Б р а т. (даючи). Натє!

Ще хтось Сип мені, та повну жменю!

У б. Б р а т. Вже нема...

Гість ІІ. А дай кишеню. (Лізе в кишеню)

Чом же ти не дав, як мав?!

От-такий то світ настав!

Б а г. Б р а т. (до Уб. Брата). Що ти? зовсім зглуду
збився, —

Тут лузати заходився,

Засмітив усю підлогу...

От тобі й пусти безрогу!

Цілий день сидить сьогодні, —

В тебе ж дома всі голодні!

Ждуть, що ти з свого зарібку

Принесеш хоч хліба скибку.

Ти хоч сердься за догану...

У б. Б р а т. Годі! Дякую за шану,

За гостини, частування, —

Не забуду до сконання! (виходе).

(За столом починаються співи)

(Продовження буде).

Санжа Балыков.

(Прага).

Две атаки.

Медленно, сотня за сотней, взвод за взводом, в облаке густой дорожной пыли, с песнями и свистом, шутками и смехом втягивался Зюнгарский полк в деревню, где ему выпало счастье простоять спокойно, без боев, больше недели.

Полк постарался должным образом использовать стоянку.

Казакі стирали белье, чинили амуницію, стриглись, мылись, ковали лошадей, подкармливали их; иные помогали квартпрохозяевам молотить и веять хлеб, за что получали благодарность хозяек всякой снедью и не снедью. Командиры сотен приводили в порядок запущенные хозяйственные дела, некоторые из офицеров успели съездить в Мелитополь и спустить там все деньги, а большинство, тщательно придевшись, повиытачив из сумок и надев заветные серебряные погоны, нацепив шпоры, наперебой ухаживали за местными „дивчатами“ и солдатками, которых здесь было не мало. А главное все своевременно спали, высыпались и ели.

Штаб полка стоял у местного фельдшера.

Когда командир полка с адъютантом, вестовыми и ординарцами подехали к отведенной им квартире, их

встретил квартирьер и, хитро улыбаясь, доложил, что здесь лошадям и вестовым места нет и что они будут во дворе через улицу.

— Почему ты такую неудобную квартиру выбрал? — спросил адъютант.

— Тут, господин сотник, дуже красивая барышня и много книг, — смело отвечал казак, видимо, знавший вкусы своего начальства.

— А!.. он парень оказывается толковый, — заметил командир полка слезая с коня.

Отдав лошадей вестовым, командир и адъютант вошли в домик, очень чистый внутри и, для деревни, прилично убранный.

Знакомясь с хозяевами они молча залюбовались красотой их дочери, — девушкой лет восемнадцати-двадцати.

Выше среднего роста, в меру полненькая, с привлекательно выраженными формами, она была великомерно сложена. Роскошные, длинные, каштановые волосы были заплетены в толстую косу. Огромные, темно-карие глаза, окаймленные длинными ресницами,

светились лаской и добротой. Густые брови были точно нарисованы художником.

Все красивое южно-русское лицо ее украшалось аккуратненькой, черной родинкой на губе, около правой ноздри ее правильного, так называемого точеного носика.

Познакомились с ней. Разговорились.

Голос ее был грудной — приятный, ласковый.

Смех тихий и мелкий. Она оказалась народной учительницей.

И командир и его молодой адъютант в тот же день, как говорится, втюрились и принялись на пропалую за ней ухаживать.

Один был молодой сотник, на нем красовались новенькие серебряные погоны, на груди болтался аксельбант, на ногах звякали шпоры, но он был смуглолицый, узкоглазый калмык. Его соперник: молодой, красивый полковник, командир такого экзотического полка, как Зюнгарский, тонный кадровый офицер с офицерским Георгием на груди и, вдобавок, русский.

Красавица охотно и весело болтала и с сотником, но явное предпочтение оказывала она командиру.

Поняв всю безнадежность своих чувств, и видя, как серьезно увлекся его командир, адъютант на третий день перешел на другую квартиру и к командиру стал являться только по делам службы.

Полковник, как крот, засел дома и никуда не выходил.

Наконец, пришло приказание немедленно выступать.

Послав ординарца с приказанием по сотням, адъютант пошел к командиру с докладом. На его стук командир ответил не сразу; слышно было, как кто-то опустился на стул, а мягкие шаги другого человека удалились в соседнюю комнату.

Получив разрешение сотник вошел. Полковник сидел, но лицо его было бледно и рука протянутая за бумажкой слегка дрожала.

— Так... пишете приказание полку седлать и строиться на церковной площади, — рассеянно сказал он, прочитав приказание командира бригады.

— Приказание уже послано, господин полковник, — отвечал адъютант.

— Ага, ну так доложите, когда будет готов.

— Слушаю.

Полк, привыкший вылетать по тревоге, через четверть часа уже стоял на указанном месте.

Вернувшись к командиру вторично, сотник застал такую картину:

Полковник все сидел на том же месте, по другую сторону стола сидела хозяйская дочь, против них, у дверей — отец и мать ее. Все молчали и были в сильном смущении.

Когда адъютант доложил командиру, что полк готов, медленным, певучим говором заговорила мать.

— Незна-аем... мы тебя роди-или, вырасти-или, дали образование, как могли, а теперь, ты уже сама не маленькая, понимать можешь все... Как живут те женщины, что при полках, ты видишь... Нравится тебе их жизнь — на тачанках, езжай. Люди они чужие, дальние, сегодня здесь, а завтра Бог знает где... решай сама, а мы благословить тебя не можем.

Водворилось тягостное молчание.

— Нет, — наконец, твердо выговорила дочь, — я не поеду... вы меня простите, я остаюсь.

— Жаль... извините... — пробормотал полковник и, сухо распрощавшись, вышел.

Не здороваясь с полком, невнятно дав „вольно“, мрачно повел он полк.

За всю дорогу, продолжавшуюся около часа, он не издал ни единого звука, кроме нескольких глубоких вздохов.

Когда подошли к указанному в приказе гребню, красные, неизвестно под чьим давлением, медленно, в порядке отступали двумя длинными цепями.

„Такую цепь одним полком не атакуешь“, — думал адъютант разглядывая красных в бинокль.

Увидев полк, противник подался влево, сгущая цепи.

— Полк!.. строй фронт!.. маррррш! — неожиданно командовал командир.

Стуча пиками, позванивая стремянами, на рысях перестроился полк.

— Зюнгарцы!.. непременно дойти! За мной, ура! — заорал командир бросаясь вперед, размахивая палашом.

— Урааа! -а! а-аа! — подхватил полк, разворачиваясь на намете.

Затрещали выстрелы со стороны красных, затакал пулемет, с противным „дзинь! дзинь!“ Ударяясь о землю и подымая пыль жужжали пули, но зюнгарцы стремительно пересекли долину, поднялись на бугор и, захватывая фронтом конец красной цепи роты в две, стали доходить до противника.

Выстрелы трещали.

По следам Зюнгарского полка, там и сям, виднелись идущие обратно пешие люди с седлами на спине, одного убитого везли два казака на коне, положив поперек седла, уныло стояли раненые лошади, лежали убитые.

Впереди полка, с разинутым ртом, горящими глазами, мчался полковник.

Вдруг, стрельба в лоб полку затихла, конец цепи оторвавшись от остальной части заметался, забегали люди, быстрее двинулся полк, чаще засверкали шашки, громче раздалось „ура!“ и миг... все смешалось.

Через минуту — две, Зюнгарцы, подгоняя шайку пленных, на рысях стали отходить обратно.

В середине полка, поддерживаемый казаком под руки, ехал раненый командир.

Ноги его болтались без стремян, он сидел сгорбившись и держась руками за луку.

Прибыв на ночлег в другую деревню, и узнав, что полковник еще не отправлен, адъютант побежал к нему попрощаться.

— Потерь много? — спросил первым делом раненый.

— Убит один казак, ранено пятеро; офицеров, кроме вас, ранено еще двое, но оба легко и останутся в строю; лошадей убито шесть, ранено девять.

А пленных сколько?

— Пленных сто девяносто, — докладывал адъютант.

— Молодцы Зюнгарцы... я не думал, что они на этот раз выдержат такой огонь и дойдут за мной, — медленно и тихо проговорил командир полка морщась от боли.

— Рана сер'езная, г. полковник? — спросил сотник.

— В коленную чашечку, паршивая рана, — сказал стоявший тут же доктор.

— Сволочи... не могли убить. Вы, сотник, пошлите завтра казака с этой запиской; можете читать; вы знаете, — проговорил раненый, протягивая адъютанту маленький клочек бумаги, когда кучер уже готовился трогать лошадей.

— Ну прощайте, сотник, ездите на моем жеребце, — добавил полковник, протягивая ему руку и давая знак трогать лошадей.

Прошло четыре-пять месяцев. Когда Зюнгарский полк был в Кабадже, в Турции, в штаб полка пришло известие, что полковник Б. после ампутации ноги умер в Константинопольской больнице.

1927 г.

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.

Я. Рудик.
(Прага).

* * *

Степи червоною кропили,
Щоб воля виросла свята,
Ми їх могилами покрили,
А воля ще і не зійшла...

Тепер гадюкою зневіра
До серця лізе нам із тлі,
І гасне перемоги віра,
І мрут надії золоті...

Розвієм сумніви свої, —
Що зрадить нас щаслива доля, —
Як буйний хмари громові
З просторив рідного нам поля.

Оросим кров'ю ще не раз
Поля і гори дорогі,
І смерть — мара прийде між нас
В години страдні і тяжкі...

Тоді зійде святая воля,
Рожевим квітом зацвіте,
Тоді всміхнеться наша доля
І нас до купи собире!

*****

Вынужденная полемика.

II.

Если Д. Атаман ген. Богаевский занял по отношению к „В. К.“ позицию отрицательную, хотя и не совсем резкую, то председатель Донского Пр-ва и председатель „Казачьего Союза“ Н. М. Мельников гораздо мягче и эластичнее. Его отношение — нейтралитет, пожалуй, даже благожелательный. Окончательное свое отношение он установит, очевидно, не только в зависимости от того, поскольку самостийное движение окажется серьезным, но и в зависимости от того, поскольку серьезны союзники у самостийников. Раз „союзники“ серьезные и у самостийников обозначится успех, — Н. М. Мельников бороться против не будет, пока... не восстановится „новая Россия“.

Одно можем и должны подчеркнуть здесь, — что никогда и ничего, а тем более такое дело, как наше, нельзя строить прежде всего на „союзниках“. В первую очередь нужно надеяться на самих себя, а „союзникам“, кто бы они ни были, нужно всегда оставлять роль союзников, — не больше.

Переходя к самой статье „о самостийности“, можем отметить, прежде всего, что большую ошибку делает г. Мельников, когда причины появления самостийного движения видит в неудовлетворенности и разочаровании казаков в российской эмиграции. Не говоря уже о том, что самостийное движение гораздо старше того действительного и в настоящее время уже всеобщего разочарования в русской эмиграции и той части казачьей эмиграции, которая до сего времени была еще „очарована“, можно сказать, что одного „разочарования“ в таком большом вопросе было бы все же мало, хотя, конечно, и такие слишком личные моменты (да еще на хорошей почве) тоже играют свою роль. Мы думаем, что если до последнего времени среди казачьей эмиграции и были еще некоторые „очарованные“, то после того, как они прочитали в статье несамостийника Мельникова характери-

стику русских и их отношение к казачеству, и они должны были „разочароваться“. Правда, автор утешает нас Россией „будущего“ и, очевидно, „русскими людьми будущего“, но вся трагедия г.г. Мельниковых и тех с ними, кто в такую Россию верят, в том, что никто из них не может указать ни одной российской организации, или партии, или даже живого отдельного представителя русской политической мысли, которые, что касается Казачества, стояли бы хотя бы на той точке зрения, на какой стоят Мельниковы. Союзников даже у Мельниковых среди русских нет.

Сделав такую блестящую характеристику „русских“, которая многих из казаков, умеющих мыслить до логического конца, пошлет в ряды самостийников, председатель Донского Пр-ва утверждает (в явном противоречии и с самим собою и с действительностью): „России, прошлого..., проводившей политику ликвидации и остатков казачьего самоуправления нет и не будет“. — Такие утверждения можно писать сейчас только на луне. Была (царская) и есть (большевицкая). А кто скажет, кто поручится, что будет лучшая? — Яблочко от яблоньки недалеко откатывается. Среди самих русских, во всяком случае, мы не видим и признаков той „лучшей“, о которой мечтают некоторые не совсем русские.

Н. М. Мельников нас „понимает, но не одобряет“. То же самое можем ответить и мы ему. Во всяком случае и то уже хорошо, когда люди понимают друг друга, — при взаимном понимании не исключается возможность когданибудь и столкнуться.

Да, Н. М., — правда, — казачество устало от ужасов войны, оно „изнемогает под пятой большевизма, оно жаждет мира, спокойной жизни, и мы должны думать об этом мире“... — Но, будем говорить правду до конца. Казачество устало, изнемогло, обескровилось и обескровливается...

под Россией. В России (именуемой сейчас РСФСР) ликвидируется Казачество, и не потому оно ликвидируется, что отделилось или хочет отделиться.

И мы не ищем „новых столкновений“, напротив, — отделением хотим избежать их и спасти хотя бы остатки Казачества. Разве, если бы не было самостийников, положение там изменилось бы? Наоборот, целый ряд народов своевременным отделением ушел от тех ужасов, какие переживают наши братья под Московской большевизией. Кто отделился, тот спасся, а кто „хранит верность“, тот гибнет.

„Почему лучше быть в связи с Украиной, а не с Россией?“ спрашивает председатель Донского Пр-ва. — Очень охотно ответим: потому, что с Украиной „связь“ эта возможна только как союз на началах: „равный с равным, вольный с вольным“. А разве даже „Россия будущего“ когданибудь на нечто подобное согласится? Разве за такие „еретические“ мысли нас не вешали? С точки зрения Москвы мы можем быть только ее подданными. Для Украины мы — союзники.

Что касается Таганрогского и других округов, населенных украинцами, то, при условии, что Дон останется в составе России, — какой же смысл Украине отказываться от них? Иное дело — Дон самостийный. Тогда, наоборот, самой Украине будет более выгодным оставить „крестьянские“ округа донцам.

Н. М. Мельников подчеркивает, что Украина отхватила сейчас кое-что от Дона. — Какая Украина и почему? Н. М. прекрасно сам знает, что Украиной правит сейчас не Харьков и не Киев, а Москва. Почему г. председатель Донского Пр-ва умолчал в этом месте о том, что еще больше отхвачено сейчас от живого донского тела Москвой — целые казачьи округа? Мы глубоко уверены, что и вернуть в будущем „отхваченное“ от Украины далеко легче, чем от Москвы.

Есть ли казачество „нация“? — Это зависит от того, кто какую „теорию“ исповедует или что кому выгодно. По Милюкову, напр., могут быть и казачьи нации.

Когда читаешь статью председателя Донского Правительства, невольно встает вопрос: все же как много еще сохранилось у людей (хотя бы и добросовестных) заблуждений. В самом деле, ведь, сейчас только очень наивные люди еще могут думать, что казачество, „оставаясь в составе России“ сможет быть „хозяином в своем собственном курене“, сможет „устроить у себя свою собственную жизнь сообразно своим вкусам и особенностям, в соответствии с исторической „обыкновенностью“... — Оно было и есть в составе России. Но не только ничего не сберегло, а, наоборот, потеряло все. И самые курени потеряло. И, — надо прямо смотреть в глаза действительности, — прошлое и настоящее больше говорят за то, что в составе России Казачество не только никогда уже не будет хозяином в своем курене, но и самого куреня уже не вернет.

Председатель Донского Пр-ва, вероятно, прекрасно разбирается в том, что такое „Войсковой Круг“ и что такое „Законодательный по местным делам Войсковой Круг“. Последний — это „губернское земское собрание“ не больше. Будем называть вещи их собственными именами, чтобы и самим не самообольщаться и других не вводить в „искушение“. Сам же г. Мельников приводит заявления некоторых русских по вопросу о Круге (... теперь уже этого не будет...). Других (лучших) и он, не самостийник, привести не может.

Мало для нас и выборности Атаманов. Станичные атаманы тоже были выборные, а делали то, что угодно было „начальству“. Настоящего выборного Атамана донцы, кубанцы, терцы... будут иметь только тогда, когда будут самостоятельны.

Н. М. Мельников утверждает, что Круга и Атамана „можно добиться и будучи в составе России, не отделяясь от нее“. — Это утверждение г. Мельникова, а вот жизнь: когда (давно) Казачьи Республики были самостоятельными, они имели и В. Круг (Раду) и выборных Атаманов. А когда вошли в состав России, то не только чегонибудь не добились нового, а и потеряли все то, что имели. Не добровольно же отказалось Казачество от своих прав. Так, если не смогли удержать в прошлом того, что уже имели, где гарантии, что смогли бы добиться чегонибудь в будущем? Или почему тогда не добились ничего в прошлом, а, чтобы дожидаться Круга, Рады и Атаманов, должны были дожидаться революции и не „добиваться“ от когонибудь, а делать сами свое дело, никого не спрашивая?

Чтобы запастись лишними аргументами против самостийности, председатель Донского Пр-ва ссылается на постановление В. Круга в июне 1917 года, в котором Круг (а тогда еще все народы б. Р. почти так говорили) говорит, что „Войско Донское составляет неотделимую часть Российской Республики“, и умалчивает о позднейшем решении В. Круга (1918), выраженном в 1-й статье Донской конституции: „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство“, и которым предыдущее постановление было аннулировано.

Что касается того, как думают казаки на Дону, — вопрос спорный. Мы во всяком случае не только не можем согласиться с г. Председателем Донского Правительства, но имеем все основания утверждать, что подавляющее большинство казачества предпочтет самостоятельный Дон и теперешней, реальной Р.С.Ф.С.Р. и неопределенной, неуловимой „синей птице“ — „России будущего“.

Председатель Донского Пр-ва не объявляет нам войны; еще охотнее, чем Д. В. Атаман, он пошел бы на временную самостоятельность. Но, признаемся, мало логики мы видим в таком мышлении. Самостоятельность „всерьез“ для Н. М. Мельникова тоже неприемлема. Но он

Ранее была и надежда или делалась ставка, что сам народ (народы) свергнет большевицкое иго, но в виду связанного с этим вероятия или даже неизбежности распада СССР. на составные элементы и этот путь для российской эмиграции стал нежелателен.

Синяя птица рисуется ныне в виде красной армии, — на нее надежды и упования в воссоздании „единой неделимой“ путем превращения в русскую (белую) и устройством белого переворота.

Только при таком понимании российской эмиграции, ее мечтаний и вождений, можно установить действительное содержание писем „оттуда“ и „туда“ (письмо ген. Деникина) и вызванной ими полемики.

Все слова — доказательство о великорусской великодержавии, всеобъемлемости русской культуры, о взаимных интересах сожительства и, более того, подчинения идеологическому, психологическому и моральному великорусского народа — летят уже прахом.

Воссоздать и возродить Россию должно офицерство (в представлении некоторых только кадровое) — оно должно стать долгожданным Мессией.

А где же другие элементы, факторы, содержание, ценности двухвекового существования Российской империи? — Мы думаем и уверены, что вне национального содержания отдельных народов, — общего Российского и нет ничего, кроме остатков физически уцелевшей, но морально разложившейся старой русской интеллигенции и буржуазии.

Деникин в своем письме откровенен до цинизма, он заявляет, что до тех пор пока боролись белые армии против красной, помощь последней и борьба против белых было преступлением.

Между А. Деникиным и его корреспондентом красным военспецом устанавливается очень быстро взаимное понимание. На вопрос: „Скажите, кто из нас, служащих в армии, исполняет свой национальный долг перед подлинной Россией: тот ли, что трудится над техническим укреплением армии или тот, что продает ее тайны иностранцам, — генер. Деникин, видимо, в сознании своей роли вождя, дает ответ: „... на Ваш вопрос — исполняете ли Вы свой долг перед Россией, трудясь над техническим укреплением красной армии не может быть иного ответа, кроме положительного. Да, теперь, это — Ваш прямой долг“.

Разгадка этого „теперь“ заключается в „опасности“ интервенции, которую правая эмиграция, к которой принадлежит и А. И. Деникин, ранее признавала, а теперь отвергает.

Причиной необходимости укрепления красной армии Деникин выставляет возможность вмешательства в дела СССР. иностранных сил, интервенции.

Но это не причина, а „тактика“, маскировка, оправдание и своей совести и, по „брусиловски“, оправдание работы военспецов.

О возможности серьезного, победоносного сопротивления СССР. в случае войны (в целом ее) не может быть и речи, это признают наиболее видные авторитеты русской эмиграции, признает это и сам Деникин.

В своей статье „Пути борьбы“ в развитие, или вернее в оправдание своего письма „туда“, он пишет: 9) „Я уверен, что всякая общая мобилизация, необходимая для большой войны, повлекла бы падение советской власти. Это было бы великим благом. Но не надо забывать, что раз пущенный в ход тяжеловесный и дорого стоящий международный аппарат войны на том не остановится. Война продолжалась бы до достижения целей, поставленных себе интервентами... Это было бы большим несчастьем“.

Само собой понятным для каждого не предубежденного, честно мыслящего человека является, что падение Сов. власти во время войны (как никак власти государственной) было бы причиной и развала красной армии. Во время войны она пересоздается в белую, русскую, конечно, не могла бы.

Ген. Деникин преподает директивы превращения красной армии в белую (русскую) и совершения белого переворота.

Превращение красной армии в русскую (белую), а следовательно и соответствующий переворот явление совершенно невозможное.

Воспитание армии совершенно изъято из рук комсостава. Младший и средний комсостав (до ротного ком.), который имеет общение, соприкосновение и влияние — в настоящее время состоит из военспецов советского производства. Военспецы, бывшие офицеры российской армии — состоят в штабах и различных учреждениях и влияния ни на солдатскую массу, ни на красных военспецов не имеют и иметь не могут. Количество бывших офицеров с каждым годом все более и более уменьшается.

Деникин поучает: „Но и более широкие командирские круги имеют неограниченные возможности всегда и везде, день за днем, в казарме, в доме и на улице, в частной беседе и в служебном поучении открывать глаза воистину на ложь большевизма и роковые опасности с ним сопряженные. Создать те настроения, при которых сами начинают стрелять ружья и кататься головы тиранов“.

Что это заблуждение, наивность или нечто больше и опаснее?

Прежде всего, откуда явится „порох“ для агитационной работы и просто уменье у незначительной по количеству части комсостава красной армии? Из них, к тому же, одна служит за „совесть“, а у другой, служащей за „страх“, и вовсе не может быть пороку. Красная армия наоборот является школой коммунизма и советчины для проведения их в деревню.

Мы не будем останавливаться на доказательствах невозможности превращения красной армии в белую (русскую) и совершения какого-либо белого переворота. В статьях Виноградского (Возрождение) и в статье С. Михайлова „Ошибка Деникина“ (Руль) невозможность эта устанавливается с исчерпывающей полнотой.

Красная советская армия есть и может быть только красной и никакой иной.

А вне этого даже в российском понимании, для чего нужно укрепление красной армии и к чему это приведет?

Укрепление красной армии есть укрепление Сов. власти во вне и внутри самой СССР.

Укрепление Соввласти есть одновременное укрепление Коминтерна (III интернационала), укрепление коммунистического наскока и натиска во всех направлениях, увеличение, разнесение коммунистической заразы по всему миру.

Признавать необходимость укрепления красной армии — это признавать необходимость обирания и нашего населения для укрепления технической силы красной армии (вроде сбора на авиацию, на „ответ Чемберлену“), это оправдывать многое совершающееся в СССР.

Российская эмиграция никак не хочет признать, что великорусский народ принял добровольно Соввласть, сознательно или бессознательно, но с первых шагов вместе с частью русской интеллигенции способствовал установлению и укреплению этой власти.

И это нынешнее сменовеховство русской интеллигенции, примиренчество и, наконец, идеологическое подкрепление красной армии не являются ли пособничеством Сов. власти, сознательным или бессознательным, но вполне добровольным?

И „вожди“, приявшие идеологию укрепления красной армии (Деникин, Керенский и пр.) являются, вне всякого сомнения, пособниками большевиков.

Деникин соблазнен признаком превращения красной армии в русскую (великорусскую).

Корреспондент Деникина в своем письме „оттуда“, повествуя о будто бы начавшемся сближении комсостава с солдатами, пишет: „Но самое главное, что нас сближает — это несомненное пробуждение у многих национального чувства (какого, великорусского?) пробуждающегося через дурман коммунистической пропаганды. Правда это чувство не получило пока еще идеологического оформления и выявляется чаще ксенофобией*) и глумлением над самостийничеством. Как отдушину и это не плохо“. Опушен ли Деникиным или опущен в письмо „оттуда“, может быть как через чур всем хорошо известный, фактор, определяющий настроение красной

*) Ненавистью к иностранцам.

армии — юдофобство или он не отмечен, как не достигший достаточного развития?

Деникин находил только признаки русской армии в теперешней красной, другой вождем — Керенский, как более „опытный“ политический и военный „вождь“ (по „главверхию“ в 1917 г.) безапелляционно в передовике „Дней“ заявил, — что единственная русская армия — это красная. Что же ему в отношении авторитета в русской эмиграции и книги в руки.

Для „российских“ вождей укрепление красной армии нужно, желательно для сохранения целостности СССР, а так как всё государство — механическое сцепление народов Востока Европы вокруг Великороссии — построено на силе и на насилии, то для обеспечения этого красная армия и должна укрепляться, — чтобы могла вооруженной силой уничтожить попытки разных наро-

дов к избавлению от коммунистического ига, отрыва от СССР.

Красная армия на иное, на внешнюю защиту СССР., конечно, не способна, что признает и Деникин.

Протягивание руки Деникиным солидаризирующемуся с ним красному и, даже более того, Советской власти, также будирующей настроение населения и красной армии призраками интервенции, является раскрытием физиономии русской эмиграции.

Сохранение цельности территории СССР., как будущей России, хотя ценой сохранения Советской власти, истощения народного благосостояния, тысяч новых жертв, новых могил, одичания того же великорусского народа становится основой всех программ и определяет сущность русской эмиграции.

*****

О. Долинский.

Сепаратизм, федерализм и самоопределение народов.

II.*)

Та роль — пионеров политического автономизма и федерализма в национальном вопросе, — какую в Австро-Венгрии в XIX ст. играли чехи, — как об этом была речь в первой части этого очерка, — в царской России выпала на долю украинцев.

Это утверждение может показаться парадоксальным или весьма преувеличенным для тех, кто украинский вопрос трактует в плоскости „малорусского диалекта“ или политического движения, искусственно созданного дипломатическими интригами иностранных государств враждебных покойной России.

Но достаточно самого поверхностного знакомства с историей украинского национального ренессанса в прошлом столетии, чтобы убедиться в правоте вышеконстатированной роли украинцев в борьбе за освобождение окраин и инородцев, угнетавшихся царским абсолютизмом.

Чтобы не утомлять внимания читателя подробным обоснованием этого тезиса, мы решили прибегнуть к более упрощенному, но в то-же время не менее убедительному методу доказательства этого положения.

Перед нами два тома парижского издания „собрание политических сочинений М. П. Драгоманова“, — вышедшего накануне первой русской революции под редакцией в то время еще либерала, но уже не социалиста, а теперь, даже не демократа и антилиберала — П. Струве, характеризовавшего в предисловии к этому изданию М. П. Драгоманова — как выдающегося политического мыслителя, своей научной и публицистической деятельностью оказавшего незаменимые услуги для ознакомления Востока Европы с идеями современного демократизма и позитивного социализма.

Одними только выдержками из этих двух томов политических трудов выдающегося украинского ученого, публициста и общественного деятеля, особенно же цитатами из его замечательного труда — „историческая Польша и великорусская демократия“ или исторического значения „Опыта украинской политическо-социальной программы“ Вольного Союза (Вільна Спілка. 1884) — легко и полно можно иллюстрировать традиционный и боевой демократический федерализм украинской политической идеологии на протяжении всего прошлого столетия, как и убедиться в восточно-европейской постановке украинцами национального вопроса в пределах б. царской империи.

Говоря о первом памятнике новоукраинской мысли, т. е. об известной и пресловутой „истории Руссов или Малой России“, Драгоманов, отмечая бесчисленные ошибки этого трактата с точки зрения исторической критики, констатирует в нем наличие тради-

ций старого казачьего республиканства с типичным для украинской идеологии автономизмом.

В 40 г.г. прошлого столетия украинская политическая идеология выразилась отчетливо в федерально-демократическом панславизме, ярко воплощенном в политической программе известного киевского „Кирилло-Мефодиевского братства“, и резко отличавшегося от казенного русского панславизма, стремившегося — под флагом славянской взаимности контрабандным образом — подкинуть свой агрессивный и завоевательный панрусизм, заветную мечту какового так ярко выразил поэт патристическим пожеланием, чтобы все славянские реки слились в русском море.

„В Украине — писал по этому поводу Костомаров в своем знаменитом письме Герцену — (1860 г.) — эта (т. е. славянская. О. Д.) идея тотчас облеклась в светлую форму федеративного союза славян, где бы каждая народность сохраняла свои особенности при всеобщей личной и общественной свободе, вместе с тем возникло убеждение, что только этим и единственно этим путем Украина может подняться из упадка и сохранить свой собственный, столь несправедливо и безжалостно погранный образ...“

Прав Драгоманов, когда переиздавая это письмо, как ценный материал для характеристики политической физиономии украинофильства середины прошлого столетия, в своем предисловии к нему, называет его „интересным документом для истории политических идей на Украине. Оно — пишет Драгоманов — поясняет одну из ступеней в развитии того федерально-демократического движения (разбивка тут и дальше моя. О. Д.), которое составляет характеристику принадлежности политико-социальных стремлений украинцев даже и тогда, когда у них не ясно специально украинское самосознание“.

Это стремление к федерации Костомаров считает одной из наиболее отличительных черт украинского национального характера вообще. (по его мнению, — высказанному по этому поводу в интересном очерке „Две русские народности“ — этой как раз чертой, вытекающей из сильного чувства личной независимости, украинцы резко отличаются от великоруссов, с их стихийным тяготением к общественному коллективизму. Вот почему украинцы всегда и тяготели к федерации, какую не смогли вполне осуществить... а великоруссы склоняются „к одному авторитету и к централизованному могущественному государству“.

Наиболее ярко эти федералистическо-демократические стремления украинской общественности выразились в научной и публицистической деятельности великого украинского эмигранта М. П. Драгоманова — этого в своем роде Палацкого покойной России.

Никто перед ним, ни после него не боролся с та-

*) Опечатка. В первой части этой статьи (№ 10 „В. К.“) стр. 13, строка 34 сверху напечатано — испуганные, — должно быть — испытанные.

ким чуть-ли не дон-кихотским пылом за идею переустройства и, таким образом, возрождения русского государства на федералистических началах, как М. П. Драгоманов, в свое время безусловно наилучший знаток национальной проблемы во всей ее исторической и политической многогранности.

Уже в своем вышецитированном труде — «Историческая Польша и великорусская демократия» (1881) — он писал: — «Таким образом мы приходим к необходимости выработать широкую федеральную программу, независимую ни от каких „исторических“ преданий и государственных претензий, программе вполне достойную освободительных идей новейшего времени и могущую действительно удовлетворить интересы всех племен Восточной Европы».

Драгоманов был одним из первых, который понял и политически обосновал национальную проблему России в единственно верном восточно-европейском аспекте и масштабе, всюду и всегда трактуя ее только таким образом, чего — не могли понять фактические державники-централисты всех толков и национальностей.

Автор — «Вільной Спілки» опасался, главным образом, того, что Россия пойдет по пути французского централизма и будет чужда в своем политическом развитии благотворным идеям англо-американского федерализма. Он прекрасно понимал, как и Палацкий в Австрии, что государственный централизм и вытекающий из него национальный гнет инородцев — это прямая и торная дорожка и гибели центра и неизбежного сепаратизма окраин, чего он, как убежденный федералист, хотел избежать и, во всяком случае, предотвратить. По его мнению, в то время даже для поляков сепаратизм не был политической необходимостью. Они тоже могли федеративным методом решить свой национальный вопрос. Вообще, все русские инородцы и окраины совместным солидарным давлением на государственный центр, очевидно, по определенному заранее плану — могли достигнуть рационального решения национальной проблемы в России. «Программа эта — пишет Драгоманов — должна быть федеральная, с признанием полной равноправности всех областей и национальностей».

Он рекомендует поэтому образование федерально-демократической партии общеперского размера и национальных политических обществ по окраинам для пропаганды федералистической идеологии.

Драгоманов везде и всегда последовательно отстаивая восточно-европейский масштаб политической борьбы за раскрепощение народов России, полагая, что только путем совместных усилий, можно будет преобразовать это государство „из общего острога — в дом, удобный для мирного сожительства“. Освобождение и будущее развитие украинского народа, он сознательно и преднамеренно ставил „в неизбежной связи с свободой и развитием всех его соседей, славянских и неславянских. (Разбивка моя. О. Д.)

В «Историч. Польша и великорус. демократии» — Драгоманов мотивирует именно такую постановку вопроса освободительного украинского движения говоря, что неизбежная — „... борьба заставляет украинцев, уже ради расчета не остаться одному в поле воином, поднимать на Востоке Европы народно-федеральную идею вообще, поднять то знамя, которое держали в своих руках и великоруссы в роде Бакунина, но которое выпустили из рук их близкие наследники. Идея эта — продолжает Драгоманов — полное равноправие негосударственных наций с государственными, организация для каждой из них специального корпуса деятелей политического и социального освобождения и на первых порах пропаганда освободительных идей на всех языках, не только „панских“, а и „плебейских“, как самое действительное сред-

ство провести эти идеи в массы населения всех племен Востока Европы»^{*}).

Эти слова прежде всего адресованы были в революционный и социалистический лагерь господствующей восточно-европейской нации, т. е. — русской, в этом отношении глубоко проникнутых симпатиями к государственному национализму⁴, иногда оправдываемому ими „идеями интернационализма“^{**}) по правильному замечанию Драгоманова, далее поясняющего этот факт следующим образом: „Кроме того у людей, выросших в душных стенах российского государства, укреплялись привычки мысли, которые не позволяют им даже в планах их деятельности выйти за пределы этого государства“... (Разбивка моя. О. Д.)

Полвека после того, как Драгоманов писал вышецитированные строки, эти „привычки мысли“ далеко еще не изжиты многими представителями русской демократии и социализма, не смотря на 1905 и 1917 г. г., о чем красноречиво и вразумительно говорят многие органы зарубежной русской прессы, отнюдь не прямого направления, все еще сладко мечтающих об „одной государственной кровле“ для московского центра и многих быв. его инородческих окраин.

Драгоманов проповедывал не только федерализм, как основной принцип государственного зодчества, но доказывал необходимость демократического федерализма, отвергая аристократическую его форму, проваленную австро-венгерской практикой.

Принимая во внимание плебейский характер почти всех восточно-европейских народов — „федеральная программа, — по его мнению, должна принять в себя непременно демократические стремления как политические, так и экономические“. Конечно, в этом отношении для Драгоманова немаловажную роль играл тоже традиционно-демократический характер украинского национально-освободительного движения. Он прекрасно понимал, что Украина, стремящаяся к национальному самоопределению, — всюду будет иметь многочисленных противников.

— «В борьбе за эту идею — писал он в своем цитированном труде, посвященном Польше и России — украинцам придется иметь против себя все государственно-национальные, централистические элементы.

В „проекте оснований устава украинского общества — Вольный Союз — (Вільна Спілка)“ — Драгоманов в виде политической программы сконкретизировал свою идеологию демократического федерализма. Нам нет необходимости останавливаться на нем здесь, в виду довольно подробного изложения политического мировоззрения его автора на предыдущих столбцах этого очерка.

Следует отметить однако, что, как на это указывалось уже выше, — Драгоманов, будучи последовательным федералистом, отрицательно относился к национальному сепаратизму вообще и в частности к идее украинского политического сепаратизма.

Выше мы видели, что даже для поляков в России он находил политику сепаратизма излишней, полагая, что „по крайней мере, в данный момент и ближайшее будущее не столько полезной политику сепаратизма, как политику децентралистического либерализма, который бы признавая право на существование каждой национальности (национального языка), а одновременно предоставлял бы соответствующую автономию всем политическим единицам, а именно: общинам, сельским и

^{*}) Более подробно Драгоманов развил эти мысли в своей статье: — «Естественные области и пропаганда социализма на плебейских языках Восточной Европы» (1881 г.)

^{**}) Драгоманов категорически настаивал „на необходимости, по крайней мере для революционных кругов, радикального разрыва со всеми централистическими, государственно-национальными идеями и привычками“.

городским, и общинам сборным — уездам и областям, при чем в рамках свободного государства“.

В частности и относительно Украины, он полагал, что государственное ее обособление от России „есть вещь не только во всяком случае край не трудная, если не невозможная, но при известных условиях, вовсе не нужная для каких бы то ни было интересов украинского народа“ (Разбивка моя О. Д.). Между прочим, Драгоманов имел в виду тоже и то обстоятельство, что в случае отделения Украины от России, она „лишилась бы запасных для своей колонизации земель в Донско-Каспийской области и отделилась бы от своих соплеменников, как в этой области, так и в кубанской“. Из последних выдержек видно, что в вопросе о политическом сепаратизме инородческих окраин он вполне правильно держался относительной и условной точки зрения и не был, следовательно, абсолютным и принципиальным противником этой политической идеи. Для него это был прежде всего вопрос политической целесообразности и необходимости. Драгоманов по духу своего мировоззрения вообще был чужд какого-бы то ни было идеологического догматизма схоластического типа.

В своей статье: — „К вопросу о национальностях в России“ (1889) вызванной заметкой „Kurjoru Lwowskiemu“ по поводу его очерка „Земский Либерализм“, он доказывал, что путем федерализма и при сотрудничестве всех народов легче и успешнее можно будет достичь преобразования России в желательном смысле.

„Но — добавляет сейчас же Драгоманов — мы, конечно, не станем отрицать и права каждой из этих национальностей на полное выделение из государственных рамок России... Он припоминает только, что в политической практике это в действительности не столько вопрос права, сколько силы, т. е. и конкретно вопрос „о выполнимости сепаратизма“. Ссылкой на политическую историю прошлого столетия, Драгоманов демонстрирует практическую неосуществимость сепаратистических стремлений угнетенных народов.

Политическое развитие России до смерти Драгоманова (1895) и после нее блестяще показало, что его надежды на федералистическую перестройку этого государства — безнадежно неосуществимы, не смотря на то, что украинцы до самого последнего момента отстаивали свою традиционную демократическо-федералистическую программу: после 1905 г. они в государственных думах были рьяными пионерами инородческого автономизма и федерализма. Уже после февральской революции, известный украинский историк М. Грушевский писал о том, какая автономия и федерация нужна Украине, а в Киеве состоялся конгресс народов, на коем были представлены все нации России, кроме великорусской (был лишь представитель Временного Правительства, к тому же не великоросс по национальности).

После ликвидации первой русской революции не только царское правительство, но и общественность заняли антиукраинскую позицию: Столыпин известным своим циркуляром (1910) официально производит украинцев в инородцы с целью задушить все послереволюционные побег и достижения украинского национального движения; одновременно П. Струве, — быв. драгомановец, в „Русской Мысли“ (1911) открывает крестовый поход против „украинского партикуляризма“, в духе казенного патриотизма, защищая великорусскую гегемонию в России.

Это естественно должно было содействовать нарастанию сепаратистических настроений среди революционных и особенно эмиграционных украинских кругов. Однако, еще в начале мировой войны, русские украинцы*) отстаивали свои традиционные принципы автономизма и федерализма, в последний раз призывая к неизбежной перестройке русского государства на новых началах, гарантирующих свободу культурно-национального развития всех народов, предостерегая перед нежелательными, но неизбежными последствиями удушливого антинационального централизма. Заключительная фраза „Украинского вопроса“ гласит: — „Пора вычеркнуть украинское движение из списка противогосударственных явлений, требующих мер предупреждения и пресечения. Необходимо поверить очевидности, указывающей, что украинские национальные стремления диктуются самой жизнью — и прекратить бесплодную и бесславную борьбу с этою жизнью“.

Этот призыв оказался тщетным, как и вся предыдущая, почти столетняя борьба украинского движения за национальный автономизм и государственный федерализм: Россия, как и Австро-Венгрия были глухоны на все призывы своих инородцев и Украины, безнадежно будучи ослеплены Молохом государственного централизма.

Если бы Драгоманов — этот великий борец за свободу поработенных народов — дождался 1917 г. и был свидетелем всех тяжелых перенесений своего народа на тернистом пути к свободе, — ему, убежденному и восторженному федералисту, наверное, пришлось бы, перефразируя знаменитый афоризм Палацкого, сказать:

— „Была Украина перед Россией, будет и после нее!“ и в то же время, в виду того, что не вышолнились предусмотренные условия для федерализации Востока Европы — благословить плебейские народы этой части нашего материка на путь сепаратизма, как наиболее верного метода для достижения своего национального самоопределения среди таким образом сложившихся исторической обстановки и политического положения вещей...

*) Сравним очень интересную в этом отношении брошюру — Украинский вопрос. Москва 1915.

И. Билый.

О роли чужих.

Каждый раз, когда ближе подходишь к какому нибудь из вопросов нашей недавней борьбы за свободу Кубани, чувствуешь особенно остро отсутствие записи событий и их освещения, сделанных самими кубанцами. Не написана еще кубанцами правдивая история последнего десятилетия, а все, что написано по этому поводу чужими — сплошная неправда и непонимание или нежелание понять того, что и как в действительности было. Не освещены все еще так, как нужно, все большие вопросы, осветить которые нужно бы было не только потому, что и сами по себе они бы того заслуживали, но и для того, чтобы пережитая „наука“ могла пригодиться в будущем тем, кто будет продолжать раз начатое дело. Многие факты нашего недавнего прошлого вообще не смогли бы быть правдиво освещены, если бы о них так и промолчали сами участники и свидете-

ли событий. Будем надеяться, что кубанцы восполнят пробел, восполнить который — их долг и перед историей и перед будущими кубанскими поколениями. Русские имеют свой „архив русской революции“, „черки русской смуты“ и еще целый ряд „белых“ и „красных“ изданий, посвященных Великой Революции. Донцы имеют „Донскую Летопись“. Когда дойдет очередь до кубанцев? Оставлять все только „истории“ — небольшое утешение. Одного суда истории для нас, по крайней мере, мало. Для нас современников, нужен еще и суд человеческий.

Невозможно „историческим“ вопросам, хотя бы и интересным, отвести достаточно места на страницах небольшого периодического журнала, здесь можно только иногда, по тому или другому случаю обратить внимание или поставить тот или другой вопрос.

Сейчас, как раз именно по случаю одного из наших печальных юбилеев, я и хочу подчеркнуть одно из ненормальных явлений нашего прошлого, которое играло одну из первых ролей в причинах наших неудач.

Печальный юбилей — это восмилетие со дня сдачи Кубанской Армии на Черноморском побережье, а ненормальное явление — это роль чужих людей в наших событиях. Роль чужих была у нас слишком большая не по заслугам, а по последствиям — всегда роковая. Слишком часто и много командовали, правили и распоряжались кубанскими головами и парманами чужие. Это явление нужно оценить по всей важности, какую оно заслуживает. Может быть все мы согласимся тогда, что и „плохой“ свой все же лучше „хорошего“ чужого, которому как никак, а наше — не болит.

Десять лет тому назад в ночь на первое марта (по ст. ст.) 1918 г. Кубанская Рада, В. Атаман и Правительство со своими войсками первый раз под ударами красных большевиков оставили Екатеринодар, а ровно через два года, восемь лет тому назад 4 марта второй раз вышли из своей столицы Рада, Атаман и Правительство под натиском тех же сил красной Московской экспансии.

Есть нечто общее в обоих „исходах“, но пожалуй, больше разного. Разные, пока, и результаты.

В конце 1917 г. Кубань в основных чертах наметила свой путь самостоятельного государственного строительства. Еще при Вр. Рос. Пр-ве Кубань сама установила у себя государств. власть, а Куб. Рада выбрала и представителя — посла Кубани при Всеросс. Пр-ве (К. Л. Бардиж). В декабре (все по ст. ст.) 1917 г. Рада приняла на себя полный государственный суверенитет, а 28 янв. 1918 г. Законод. Рада дала и новое имя новому государству: Кубанская Народная Республика.

В начале 1918 г. русские большевики начали войну с Кубанью. К этой войне кубанские казаки не были готовы, да они в нее (войну серьезную) тогда еще и не верили. Сама Кубанская Исполнительная власть в лице прежде всего В. Атамана полк. А. Филимонова была настолько не на высоте своего положения, что небольшие вооруженные силы Кубани оказались в конце концов под началом не кубанца, а чужого авантюриста — и это в то время, как были более солидные свои.

Первый Кубанский поход привел Кубань из под большевиков под Добрармию. Что из этого вышло, всем нам хорошо известно.

Но у тех, кто в начале 1918 г. принимал за Кубань объявленную ей большевиками войну, была надежда на хотя и распыленную, но физически еще нетронутую силу кубанского казачества. Без этой надежды, вероятно, и самого похода бы не было. Надежда эта и расчет оправдались, но кубанцы снова попали в чужие руки — и боролись не за то, за что было нужно. Борьба была этими чужими проиграна. Сила казачества, отданная им чужим „вождям“, сломлена. Это и привело ко второму „исходу“.

Исключительно для того, чтобы кубанцы в будущем были „умнее“, хочу подчеркнуть, что не только в области военной руководство принадлежало чужим, — в значительной степени оно принадлежало чужим для Кубани людям и в области политической. Рада до похода была паритетной. Правительство — паритетное. А в поход пошли только казаки и горцы. Один из членов Пр-ва — Турутин — остался сразу же с большевиками. Другой — Д. Ф. Сверчков — служил сейчас раз'ездным агитатором у большевиков. Третий — Трушковский — служил больше Добрармии, чем Кубани. — Это первые кубанские министры, это те, кто правил и владел нами.

Если возьмем другой наш поход, поход на Черноморское побережье, кончившийся сдачей в начале мая (нов. ст.) 1920г. кубанской армии, то в отношении по-

литического и военного водительства он был еще более неудачен, чем первый.

Возьмем прежде всего тогдашнее правительство. В практике других государств и народов мы видим, что в такие ответственные, решающие моменты, какой переживали мы в 1920 году, у народа появляется все напряжение сил и воли, а во главе страны становятся люди наиболее способные и активные, а прежде всего те, кому верят, те, кто не растратит надаром порыва всенародной энергии. — А что было у нас?

— Всенародный порыв мы имели. Людского материала, „пушечного мяса“ у нас было весною 1920 года достаточно. Но надлежащего политического и военного водительства, к сожалению, не было.

Как и из кого составлено было бывшее Пр-во Иваниса?

— Прежде всего, по праву, пожалуй, оно из всех б. куб. Пр-в было наименее кубанским. Составлено оно было из людей, многих из которых надо было бы сделать раньше кубанскими гражданами. Половина, если не больше, министерских портфелей принадлежало не казакам, в то время, как борьба велась почти только казаками. 80% из состава Пр-ва были люди мало или совсем Кубани неизвестные, а некоторые министры, если бы закон о куб. гражданстве был издан в 1918 или 1919 годах, наверняка в кубанские граждане не попали бы (Фолховитинов, Сулятицкий), потому что вообще только „вчера“ пришли на Кубань.

Пр-во Иваниса — первое куб. Пр-во, которое не представлялось Законодательной Раде.

А когда пришла пора уходить из Екатеринодара, один из министров — П. Колотинский, — как раньше Турутин, предпочел остаться с большевиками.

А где сейчас Белашов, Голуб? А что сейчас до Кубани и кубанцев Д-ру Ледомскому?

Но самый страшный порок этого Пр-ва был ген. Болховитинов, — самый настоящий, доподлинный большевик. Какая это была ужасная трагедия кубанцев: в минуту смертельной борьбы с таким врагом, как большевики, иметь своим военным министром, а значит и организатором вооруженных сил, не кого иного, как представителя тех, с кем воевали. Теперь только становится понятным, почему наш второй „исход“ был таким дезорганизованным, безалаберным. Потому что кубанский военный министр служил не Кубани, а большевикам. Большевики сами потом этим похвалялись, а когда это стало известно, ген. Болховитинов застрелился. Но разве от того Кубани или нам стало легче?

А Войсковой Атаман? — тоже чужой (ген. Букретов). Надежд, которые на него возлагались, как на военного, не только не оправдал, но оказался хуже многих невоенных. Сказать, что это был только „неудачный“ В. Атаман — мало.

А командование? — так же, как и в первом походе, чужой. Пусть ген. Морозов не был авантюристом, как ген. Покровский, но все же Россия, даже большевицкая, ближе ему, чем Кубань. Случайно это, или не случайно, но ген. Морозов сдал больше чем пятидесяти тысячную кубанскую армию красным (я не знаю, было ли самих красных там больше, чем пять тысяч), которыми командовал тов. Егоров — товарищ по школе и друг ген. Морозова.

Если мы не будем иметь мужества признавать свои промахи, ошибки, недочеты, — мы рисковали бы повторять их в будущем. Но слишком много человеческой крови они стоят, чтобы можно было некоторые вещи делать два раза. Будущее наше стоит того, чтобы говорить правду о прошлом, хотя бы эта правда некоторым из нас и была неприятной или горькой.

Когда идет война — вожди политические и вожди военные слишком много знают, роль их в событиях во многом решающая. Соответственно задачам — должен быть и выбор их.

Мих. Минаев.

Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.

V.

Возникновение класса чиновников на Дону (казачьей старшины), закончившееся образованием донского дворянства с крепостными крестьянами, имело для внутренней жизни Войска Донского весьма тяжелые последствия.

Донские чиновники, пользуясь отсутствием определенных писанных законов, устанавливающих отношения каждого гражданина к земле и угодьям, постепенно начали захватывать в свои руки свободные участки земли для ведения сельского хозяйства. Чтобы иметь возможность их дешево обрабатывать, они приглашали к себе беглых украинцев и великороссов, укрывали их на своих хуторах; потом, с течением времени, платили за них семигривенный подушный налог. Т. о. Войско Донское в эгом поведении чиновников теряло часть своих лучших земель и угодий и приобретало сторонний элемент на Дону, крестьян, которых оно не могло принять в казаки.

Самовольное хозяйничанье старшин на Дону иногда встречало запрещения со стороны верховной власти. Но бывали случаи, когда местные представители власти, коменданты крепостей, или командиры войсковых частей, соблазняясь примерами старшин и тоже захватывали себе земли на Донской территории. Иногда вся деятельность донской старшины по расхищению казачьих земель вслывала наружу, что бывало тогда когда в среде старшин оказывались недовольные и обиженные.

Вообще можно сказать, что дело захвата земель войсковых шло без особых затруднений и фактических препятствий.

Формально, согласно императорских грамот и распоряжений Прав. Сената, вся земля Войска Донского принадлежала всему Войску. Это признавали и старшины в своей переписке с русским правительством.

Фактически свободными когда-то землями Войска владели донские чиновники, стесняя этим земельное довольствие казачьих станиц и создавая большие неудобства чересполосицей.

В сороковых годах XVIII ст. ген. Тараканов захватил самовольно на Донской территории земли на р. Калитве между Доном и Донцом и заселил там слободу из украинцев. Грамотой от 12 мая 1737 года было приказано слободу разорить, украинцам было предложено вернуться на свои прежние места жительства, а ген. Тараканов был отдан под суд.

В 1737 году было возбуждено дело по захвату казачьих земель с поселением на них слобод украинцев капитаном измайловского полка Павловым с братьями; при чем последние успели уже основать слободу, построить церкви, дворы, мельницы, винокуренные заводы.

В том же 1737 г. (грам. от 7 июня 1737 г.) было приказано разорить слободу, построенную для оберштабмейстера Алабардеева на р. Большой, м. Доном и Донцом.

Грамотой от 24 мая 1750 года было возбуждено дело о захватах в разных местах посторонними людьми земель, принадлежащих Войску Донскому. (Калачевская и Тулучевская сотни Острогжского полка, Донецкий Успенский Предтечев монастырь, Вольское войско, однодворцы крепости Св. Анны, пришлые украинцы).

Интересное дело возникло в связи с пожалованием по высоч. повел. полк. Себрякову Кобылянского пустового юрта. Юрт этот с несколькими иными, тоже не заселенными (пустовыми), был отдан Войском в аренду (на откуп) казаку Гуляеву, который не хотел передать арендуемый юрт Себрякову, в чем нашел поддержку у войскового правительства.

Обиженный Себряков подал в Военную коллегию жалобу и челобитье.

В жалобе Себряков подробно изложил обстоятель-

ства, связанные с Кобылянским юртом и, кроме того, указал на ряд случаев захвата юртов со стороны донских чиновников. Оказалось, что у войскового атамана Степана Ефремова находится во владении Черногаевский юрт, где имеется мельница и слобода украинцев; у Спасского У-Медведицкого монастыря — Карповский юрт, данный ему ген.-адм. Апраксиным с населенной украинцами слободой; у Донецкого монастыря — Донецкий юрт, данный тоже Апраксиным; у Филоновской станицы — Даргинский пустовой юрт, отведенный по войсковому определению по недостатку земли в станице.

Перечислив в жалобе многочисленные прецеденты по присвоению свободных юртов, Себряков в челобитье пишет „понеже де пожалованным ему, полковнику, по особливому именному указу, юртом не новый пример введен в наше Войско Донское, но и кроме сего есть в вечное владение из таковых пустовых юртов“ — и просит поэтому закрепить за ним юрт.

Войсковое правительство на эти притязания Себрякова написало объяснения, доказывая, что Кобылянский юрт заселен и поэтому не может быть отдан во владение.

Противоречия поручено было разобрать на месте Царицынскому коменданту Чистюнину, который установил ненаселенность юрта, о чем и донес по начальству.

Екатерина II грамотой от 15 марта 1764 года подтвердив прежнюю дарственную грамоту о Кобылянском юрте, повелела передать его в вечное и потомственное владение Себрякову. А за дерзновенное и несправедливое представление „ежели то учинено с воли войскового атамана Ефремова, то с него, а буде без воли его, что он тогда находился в Москве, то со всех тех, таков и с войскового дьяка, кто об оном представлении войсковое определение подписал взыскать денежный штраф 10.000 рублей“. (Деньги были внесены в канцелярию кр. Св. Дмитрия нарочным старшиною Сидором Кирсановым; при чем, по уплате запрашивалось, откуда эти деньги, не из войсковых ли к.-л. сумм, не собраны ли с казаков, не из царского ли жалованья).

В 1763 году (указами от 18 февр. и 13 марта) было поручено ген. Романусу подробно исследовать вопрос о захваченных землях. — „Кто именно, как войскового атамана так и старшины и другие казаки и прочие тамошние служители, где какими юртами, почему, по каким указам и давно-ль владеют... а атаману Ефремову от владения Черногаевским юртом також с прочими старшинами, кои таковыми без указа владеют, отказать“.

Во исполнение указов ген. Романус в 1765 году представил опись завладелых юртов — по р. р. Медведице и Бузулуку были даны по войсковым грамотам в довольствие казачьим обществам юрты: — Неврюевский, Бурлацкий, Высоцкий, Островской, Казаринский и Кардаильский. Черногаевский юрт со слободой Даниловкой у атамана Ефремова.

Старотишанский юрт по Дону с добавкой от Мигулинского юрта отданы были, по указу ген.-адм. Апраксина (1711 г.) и на основании войсковых грамот от 1706 и 1717 г. г., Троицкому Мигулинскому монастырю.

По ордеру ген.-пор. Мельгунова велено под поселение в вечное потомственное владение отвести земель майору Рашковичу на 48 дворов по 26 дес., всего 1248 дес. за рекою Луганчиком, где сам изберет. Рашкович завладел землями в Митякинском владелем юрте, чем вызвал „не малое казакам разорение“. По отписке Войска ему было от земель Митяк. юрта отказано, а отведены земли рядом за р. Донцом.

Высоч. указом 1762 г., выходящим из Польши было разрешено поселиться в Валуйск. у. Белгор. губ. Валуйский воевода Здеркунский „с пристрастия“ не по их (переселенцев) желанию поселил их на землях Войска Донского в Луганском юрте по р. р. Койсугу и Теплой.

В 1765 г. Войско просило вывести переселенцев из своих пределов, так как они стесняли казаков в земельных довольствиях.

Грамотой 10 авг. 1770 года на войсковую отписку было запрещено (через ком. Потапова) жителям слободы Каменобродской захватывать земли, принадлежащие Войску Донскому.

В 1773 году (грамотой от 10 апреля) в ответ на ходатайство полковника Денисова, очень заслуженного и известного на Дону, который „в продовольствии своем инаково к выгоде не имеет, как единственного равного владения в обществе всего войска“ было разрешено занять пустопорожний юрт на р. Карповке, построить хутор, иметь по тамошнему обыкновению скотоводство и другие промыслы“.

Из перечисленных случаев расхищения донских войсковых земель, в незначительной степени отражающих действительность того времени, видно, что земли на Дону захватывались не только старшинами, но и людьми сторонними, ничего общего с Войском не имеющими. В этом последнем случае войсковое правительство отстаивало права Войска на свою земельную собственность.

Внутри же самого Войска, за отсутствием выборной власти, царил произвол чиновников, прикрываемый донскими казачьими обычаями.

В 1802 году, в связи с ревизией земельных дел на Дону кн. Горчакова, войсковая канцелярия подала в Прав. Сенат рапорт, из которого видна вся работа чиновников по присвоению казачьих земель. При возникновении на Дону земледелия, свободные войсковые земли начали занимать чиновниками и казаками, что по тогдашней малонаселенности вело к улучшению и процветанию края (развитие земледелия, скотоводства, удобство и безопасность сообщения по пустынным степным дорогам, прекращение грабежей.) Украинцы своими работами в семьях казачьих помогали им нести военную службу. На пустопорожних местах появились села, церкви, дома, мельницы, заводы, пруды, на речках построены плотины, мосты, водопой — словом, старшины положили не мало труда и забот к расцвету, богатству и с/х подъему Донского Края. „Но земли в собственность, как кн. Горчаков пишет, ни к кому не вошли и не присвоены; право-ж здешнего правительства на сей земли по внутреннему распоряжению было хозяйственное, по коему входит в рассмотрение поземельных каждого довольствий и исходящих спор, которые прекращает по древнему своему обряду, определяет участки к юртам станичным из войсковых по мере нужд и, кроме того, не возбраняет в войсковых же юртах занимать и иметь казакам хутора, коих имеется не мало, словом, все сии постановления заключаются в том, чтобы всякой согражданин не был лишен в общежитии своего права и пользуясь им не стеснял бы один другого без нужды“.

Далее войсковая канцелярия говорит о том, что ею делались попытки принимать пришлых украинцев в казаки (с 1774 по 1802 г. принято 4453 чел.), но результаты оказались отрицательными в отношении их боеспособности. Занятия зимовников и хуторов производится с разрешения войсковой канцелярии по уважению действительной нужды просимого с соблюдением порядка, что это право „происходит от самого существования Войска, которого обыкновения достигли до нынешних времен и считаются здесь полезнейшими и нужными, как в рассуждении связи внутреннего благоустройства, так и для службы. Следуя тому, что Войско не одно уже столетие восприимло бытие свое и распорядилось землею, как выше упомянуто, в пользу общих и частно каждого выгод, прежде по своим древним обыкновениям и, наконец, по праву, высочайше дарованному в 1775 году, которым введено хозяйственное распоряжение бывшему правительству внутри сего Войска“. Поэтому Войсковая канцелярия полагает:

1) земли войсковые оставить „в том самом основании, какое от древности существует“; только в виду тесноты —

2) некоторые хутора перенести на свободные войсковые земли и удовлетворить малоземельные станицы

из войскового запаса, а остаток роздать не имеющим хуторов чиновникам и казакам;

3) помещичьих ревизских людей оставить „в нынешнем их заселении и при тех же владениях“;

4) предоставить помещикам Войска Донского право имение свое, на войсковой земле состоящее, с правом на людей продавать или закладывать только между собою, как и прежде было, а не в постороннее ведомство.

Этот проект писался войсковыми чиновниками в то время, когда атаман Денисов „с сокрушением сердца удостоверил, что земли войсковые захватываются людьми, сильными в Войске“, а сенатор Рунич в официальном отчете о ревизии в Донском Войске сообщал о рабовладельческих ярмарках в Урюпинской станице, а несколько позже в отчетах „чернышевского комитета“ указывалось, что некоторые помещики на Дону имели по 1000 десятин земли на ревизскую душу, в то время как у казаков было по 10, 8, 7 и менее десятин.

Указы, запрещения, угрозы, штрафы и прочие меры воздействия в отношении чиновников, управлявших хозяйством Дона, оказались безрезультатными, и к концу (1822 г.) на Донской территории было образовано 66 слобод, 417 поселков и 320 хуторов, населенных, б. ч. украинцами в количестве 153766 душ, принадлежащих донским дворянам в качестве крепостных.

Торговый договор Войска Донского, заключенный в начале XVII ст. о беспошлинном ввозе и вывозе предметов сельского хозяйства, был видоизменен в особые привилегии Войска, закрепленные за ним государственными актами — указами верховного Тайного Совета от 1727 и 1728 г.г., определениями Правит. Сената от 1735, 1745 и 1749 г.г. и грамотами от 1750 года (31 января), 1734 и 1757 г. Кроме того содержание винокуренных заводов, мукомольных мельниц и торговли вином внутри Войска не подлежали никаким общегосударственным налогам.

С 1775 года был введен винный откуп, доход с которого поступал в войсковую казну; но, по причине злоупотреблений чиновников, он был уничтожен в 1821 году.

В 1801 году был установлен сбор с вина, ввозимого на Дон.

Законы о запрещении засорять р. Дон отбросами (1770 г.) и о мерах предосторожности на случай появления падежа скота в станицах Войска Донского (1753 г.) носят характер случайный и имеют малое значение в хозяйственно-экономической жизни Донского Края.

Хлебопашество, возникшее на Дону в начале XVIII века, не было нормировано ни обычным донским правом, ни общегосударственными законами.

В этом вопросе, который приобрел очень серьезное значение в жизни казачества с половины XVIII столетия, последнее было предоставлено самому себе.

Войсковое правительство кое-как заботилось лишь о наделении землей малоземельных станиц из войскового запаса.

Весь внутренний распорядок землепользования был предоставлен станичным обществам. Скотоводство, развитое в значительной степени, способствовало установлению залежной системы полеводства.

Вторая половина XVIII века отличается интенсивным ростом хуторов, что свидетельствует об энергии, предприимчивости и колонизаторских способностях казака-земледельца. В начале 30 годов XIX ст. (1822 г.) 340.785 душ обоего пола казачьего населения жило на 114 станичных юртах — т. е. в 114 станичных поселениях; кроме того занимало 315-360 хуторов на войсковой земле и 1600-1700 хуторов на земле юртовой. Необходимо заметить, что население первых хуторов было малочисленное, б. ч. это были большие казачьи семьи, или родственные между собою группы семей.

Отсутствие систематического аграрного законодательства в Земле Войска Донского, открывавшее широкий простор к произволу, злоупотреблениям и безхозяйственности правящего класса на Дону — донского дворянства; усложнившиеся условия хозяйственно-экономической жизни казачества, не получившие своего

урегулирования ни путем видоизменения обычного права, вследствие уничтожения носителя этого права Войскового Круга, ни посредством определенного сепаратного имперского законодательства, привели хозяйство Войска Донского к тяжелому кризису, способствовали расхищению лучших казачьих земель донскими дворянами и тем — созданию ужасной чересполосицы, со-

действовали расслоению единой равноправной массы казачества на простых казаков и привилегированных дворян и образованию крепостного крестьянства на Дону. Все это имело своим следствием в дальнейшем возникновение такой сложности и запутанности аграрных взаимоотношений на Дону, которая оказалась роковой в жизни донского казачества.

*****

Д-р С. Федоров.

Донцы в наследии Чингис-Хановом.

Прошлый год был обогащен одним из юбилеев, не бывающих так частыми. Мимо него прошли бы все, если бы интерес всего света не был затронут сенсационным сообщением об открытии русского путешественника и ученого археолога, профессора Козлова. Он нашел среди неисследованных песков необъятной пустыни Гоби могилу легендарного завоевателя света и владыки гигантской монгольской империи Чингис-Хана.

Интересно отметить то обстоятельство, что это известие об открытии гроба Чингис-Хана совпало как раз с седьмым столетием со дня смерти, последовавшей 18-го августа 1227 года.

И нам, казакам, есть чем вспомнить былое, ибо более чем семьсот лет назад казачьи предки, русско-бродническое население берегов Дона, выступили на поле ратном в рядах армии Чингис-Хана, в роли его союзников, против ополчения русских князей. Донцы сразились с ними в достопамятном побоище на скалистых берегах реки Калки, притоке Калмиуса, возле донских границ (недалеко от гор. Мариуполя) и решились участь боя в пользу своих союзников монголов.

Остатки Азовско-Черноморской Руси, древне-русское население Тмутараканского княжества, главным городом которого была теперяшняя Тамань, на Кубани, после разгрома Батыем княжеской власти на Руси вошли в состав организованной Чингис-Ханом могущественной Монгольской империи. Они жили там своею самобытной жизнью, пользуясь полнейшей автономией, пока не начался кризис великого Чингис-Ханова наследия и новые могущественные завоеватели Тахтамыш и Тамерлан не внесли, огнем и мечем, руину в северокавказские и донские края.

По среднему и нижнему течению Дона, по его притокам и на Кубанском побережье Азовского и Черного морей, еще в незапамятные времена, задолго до установления в этих краях Киевским великим князем своей власти, жили многочисленные воинственные племена славяно-русов. Они были известны своею храбростью и отвагой не только у ближайших соседей, на которых они не раз предпринимали набеги за добычею, но и у отдаленных народов.

Особенно часто о них вспоминают арабские ученые и путешественники. Арабам, в их завоевательных походах на Кавказ, не раз приходилось сталкиваться с тамошними руссами, жившими полуседлой жизнью и занимавшимися охотою, рыболовством и горными промыслами. В их владениях были богатейшие серебряные рудники, единственные в то время на востоке Европы, значение которых приравнялось арабами к знаменитейшим серебряным рудникам в мавританской Испании.

Линия северных донских городков простиралась по рекам Хопру и его притоку Великой Вороне; за ними на восток было царство болгарское, а к северу — Дикое Поле, хазарско-половецкие степи, за которыми начиналось рязанское княжество, принадлежавшее вначале к Черниговской системе.

В этих городках, защищенных от проникновения степняков дремучими байрачными лесами, сосредотачивалась культурная жизнь Подонья. Там находились церкви, монастыри, а с ними нераздельно и школы. Туда удалялись на покой престарелые и утомленные непрестанной борьбой на донском юге люди в те времена, когда волна кочевников отрезала Тмутаракань

от Киевской державной системы и потеснила древне-русское население под защиту гор и лесов донецкого края и Червленого Яра*).

С прекращением княжеской власти на Тмутаракани в 1094 г. донское население, крепко сохранявшее в себе основы вечевого устройства, продолжало жить целиком независимой жизнью, решая самостоятельно политические и военные вопросы.

Уже тогда эти „бродники“, как их называют древнерусские летописи, представляли из себя прекрасный боевой элемент. К нему не раз обращались за помощью удельные русские князья, в своих междуусобных браях; так поступали они еще в XII столетии, до появления монголов в приволжских степях. С распространением же монгольской власти и на Подонье, характер донской жизни несколько изменился.

Донцы вошли в состав союзно-вассальных земель, непосредственно подчиненных хану и играли роль военных его помощников, неся одновременно сторожевую службу фронтом на север и северо-восток, против воинственных финских племен, населявших бывшее царство Болгарское.

Творцом и организатором могучего монгольского государства, в которое вошли донцы, был Чингис-Хан, что в переводе значит Великий хан. Основное имя его было Темучин. Родился он, по одним известиям в 1155-м, а по другим — в 1162-м годах в Ононе, принадлежавшем его отцу Езукай Бегадеру, вождю одной из незначительных монгольских орд.

Великий завоеватель и победитель, серебряный гроб которого, по докладу путешественника Козлова, почирует на 78-ми коронах покоренных им владетелей и князей, был выдающимся организатором мирной и культурной жизни в своей бесконечно огромной империи, выросшей из неизвестных песков средней Азии и в них же упавшей.

Талантливый вождь, он был также отличным организатором и политиком. В первый же период своего владычества он прекрасно организовал устройство и снабжение своих войск, внутреннее общественное самоуправление, завел строгий порядок и хорошее справедливое правосудие, принятое на долгие века в системах татарских орд. Сколь оно было высоким можно судить из того, что известный литовский юрист XVI века ставил современное татарское правосудие в образец литовско-польскому, а на Литве тогда уже существовал знаменитый законник „Литовский Статут“, сборник обычного русско-литовского права и наследник „Русской Правды“.

Чингис собрал народные права и юридические обычаи в книгу, названную „Яса“, разделявшуюся на две части — установления закона назывались „Джисике“, а его руководящие изречения — „Бисике“. Чингис завещал сберегать их на вековые времена и всегда строго руководствоваться ими.

Эти собрания законов долгое время служили основным правом монгольских орд и оказывали влияние на право подвластных народов.

Кодекс законов Чингиса изданный перед смертью, есть свидетельством великой государственной дальновидности хана и огромного понимания нужд присоединенных народов.

* Местность по левому берегу Дона, от устья Медведицы до Хопра и Волги.

Чингис был религиозно терпимым во всех отношениях. Его главными государственными советниками и помощниками были культурные деятели коренных христианских народов. В войсках его находились массы христиан. Он умел понять нравственную силу, проявляющуюся в религии каждого народа и извлечь из его культуры наиболее ценное.

В то жестокое, насыщенное людскою кровью, время Чингис сумел оставить изречение, даже в наши дни принадлежащее к наипрекраснейшим изречениям всей человеческой культуры:

„Уважаю и почитаю всех четырех (Иисуса, Магомета, Моисея и Будду) и прошу того, кто из них в правде наибольший, чтобы он стал моим помощником“.

Мысль, что он может умереть прежде осуществления своих планов преследовала Чингиса и он обратился к одному китайскому бонзе за напитком бессмертных.

Все свои планы реализовать ему не удалось, но бессмертным все же Чингис стал и не только в сказаниях монгольских народов.

Перед тем как предпринять военную экспедицию, Чингис-Хан, при посредстве купцов и путешественников, детально изучал страны, куда желал двинуть свои армии. Он ознакомился с их бытом, социальным и политическим устройством, и только тогда пускался в поход, выступая всегда в роли освободителя от тирании тамошних владетелей. Прежде всего Чингис-Хан старался овладеть симпатиями и расположением населения дипломатическим, а не вооруженным путем.

Те же средства применили монголы в первое их появление в Европе. Преследуя противника знаменитый полководец Чингиса, Джебе, бывший раньше его врагом, продвинувшись из Закавказья в Азовско-Черноморские края, первым делом постарался привлечь на свою сторону обитателей Подонья — бродников. Он всегда умело использовал недовольства жителей и при вступлении на чужую территорию оглашал, что мирные жители не понесут никаких убытков и разорений и могут исповедывать религию, какую желают.

В те времена, когда в Европе господствовал принцип *cuius regio eius religio* (чья власть того и вера), веротерпимость была поистине великим дипломатическим козырем о руках монголов.

Неудивительно, что подонское население присоединилось к ихней армии, изумительная дисциплина которой была такова, что все распоряжения и объявления полководцев выполнялись беспрекословно.

В цель похода Джебе и Сугедея не входило вооруженное столкновение с русскими князьями, но последние решили поддержать половцев, разбитых монголами, и сами втянулись в войну. Они нанесли Чингису величайшее оскорбление по понятиям того времени — князья перебили присланных к ним монгольских послов. Однако монголы не были спровоцированы и этим поступком, Джебе вторично выслал послов к месту сбора княжеских ополчений на Днепре, предлагая им мир и желая только выдачи половцев, как своих холопей.

В результате княжеского отказа и произошла кровавая битва на Калке, в которой в рядах монголов приняло участие, по словам одного из историков Дона, 30.000 донцов. Древне-русские летописи осуждают поведение бродников и их воеводы в этой битве; оно и понятно — летописи писали русские монахи, а им были незнакомы и непонятны причины, побудившие выступить донцов, вернее Азовско-Черноморскую Русь, на стороне монголов, против русских князей.

Причин было несколько: во-первых степная Русь, давно уже отрезанная кочевниками от Киевской державной системы, утратила чувство государственного единения с остальной Русью. Оно, вообще, едва ли успело привиться к степнякам в период Тмутароканского княжения в 986—1094 г.г.

Строгая политика консолидации Русской державы и централизации княжеской власти проводилась на Руси только до смерти Ярослава Мудрого. Да и то он после вооруженного выступления своего брата Мстислава, тогда князя Тмутароканского, принужден был разделить наследие Владимира Святого на две части.

Система Черниговская, захватывавшая Тмутарокань, Рязань, Муром — отошла к Мстиславу, а Киев с остальной частью Руси достался Ярославу.

Потом настал удельный период, а с ним — неурядицы; междоусобия, смертельная ненависть князей друг к другу. Убийства в открытую и из-за угла, отравления, увечные родственники князей-соперники никак не могли снискать симпатий вольного степного народа к представителям княжеской власти.

Борьбу князей между собою они уже видели и в Тмутароканский период. Тамань служила тогда убежищем князей изгнанников — „изгоев“, и отсюда они ходили с дружинами своими и половцами потрясать престолом „отчий и дедичей“ на Русь Киевскую.

Чувства же единения Руси в то время, в смысле этого слова, и не существовало; пролетали только редкие ласточки, вроде Любечского съезда, на котором князья высказались за мирную политику и ополчение князей на половцев. Напротив, княжеские системы и отдельные княжества воевали между собою по всяким причинам: и за великокняжеский престол, и за первенство в роде, и из-за личных обид и оскорблений. Города разорялись, селения уничтожались; жители массами уводились в плен — ими князья победители колонизовали свои пустынные волости. Никакие степняки и сами монголы не причинили столько бед и несчастий русской земле, как сами же свои князья. Особенно же выделялись жестокостями и крутыми мерами Великие князья Суздальско-Владимирские, стремившиеся уничтожить первенствующее значение Киева и создать центр в начинавшей тогда формироваться Московии. Вообще период 1054—1237 г., пока татары не наложили свою руку на князей и не стали строго карать их за своеволие и насилия, можно назвать периодом руины Руси.

Все это Русь степная, Азовско-Черноморская, втянувшая в себя чернокоблудский элемент, Придонские бродники, Днестровско-Дунайские берадники, Днепровские севруки, видели своими очами.

Монгольские порядки, поведение и обращение войск Чингис-Хана, отношение его военачальников могло казаться им куда лучшим и более приемлемым, чем поведение и отношение князей не раз заглядывавших на Дон.

Монголы удалились за Волгу (1224) и появились снова на Руси только почти через десять лет. До того времени они были заняты консолидацией монгольской империи в самой Азии и не имели еще воинственных планов ни на Европу, ни на Аравию. Царевич Мангу, о котором слышали, что он принял христианство, отправился с посольством в Киев, предлагая признать монгольское главенство, но послы были вновь перебиты князем. Это вызвало страшный гнев хана — особы послов были священны и оскорбление их считалось оскорблением особы самого хана.

Участь Руси была решена: хан Бату (или Батый), покорив сопротивляющиеся города огнем и мечем, ввел там свой административный контроль и занялся упорядочением ее внутреннего строя. Главной заботой татар было прекращение: междоусобий, княжеских поборов с населения, изъятий церковных ценностей; упорядочение администрации и финансов.

Была произведена перепись населения, установлено единое податное обложение, введена новая монетная система — серебряной монетной единицей стал рубль разделенный на 216 копеек, по всей стране были сооружены почтовые тракты, обслуживаемые гоним по ямах — установлена ямская служба, ямщики.

В особенности, во времена монгольского владычества, на Руси вздохнула церковь. Ханы выдавали митрополитам золотые ярлыки ставившие церковь в совершенно независимое положение от княжеской власти. Суд, доходы — все это подлежало ведению митрополии и, нераздираемая усобицами, необбираемая князьями, постоянно нуждавшимся в деньгах для войн, церковь быстро приобрела материальные средства и многочисленный люд, искавший при ней убежища от княжеских своеволий. Она сосредоточила в своих руках большие земельные и материальные богатства.

Печать о Вольном Казачестве.

На днях вышел очередной номер „Пути Казачества“ (29), помеченный 30 апреля, но фактически появившийся на свет неделю позже, поэтому мы не имеем уже ни места, ни времени остановиться на нем подробнее. После небольшого перерыва „П. К.“ снова „принимается“ за „В. К.“. В этом своем чрезмерном усердии, он окончательно поставил себя в ряды того создавшегося сейчас „сменовеховского“ единого фронта русской эмиграции, который обозначился в широких границах от А. Ф. Керенского до А. И. Деникина в вопросе об отношении к красной армии. Итак, „П. К.“ — за красную армию, единственную сейчас русскую армию. Кто не верит, пусть сам прочтет последнюю передовицу „П. К.“ Казачество, конечно, достойно оценит казаков, гонящихся за Милюковым.

Нет у нас большой охоты (да и места жалко!) вступать в пререкания с „П. К.“ по поводу его слишком большого внимания в нашу сторону. Читатели и сами, имея перед глазами оба журнала, разберутся где и на чьей стороне правда. Позволим себе поэтому, вместо полемики, поставить „П. К.“ некоторые вопросы.

В статье „извилистая политика“ г. В. Дьяконов (псевдоним!) старается внушить читателям мысль, что „истинные причины и поводы“, вызвавшие самостийное движение, корни свои имеет „в недрах современных международных отношений и строящихся международных планов на счет России“. Не хотим вдаваться сей-

час в далекую старину, но позволим себе спросить „П. К.“: что же, все решения Кубанской Краевой Рады, как и Кубанские Конституции 1917—1918 г. г., или Донская Конституция 1918 года, первая статья которой гласит: „Всевеликое Войско Донское есть с а м о с т о я т е л ь н о е государство“ и которая принималась В. Кругом под председательством г. Харламова, — все это тоже корни имело в международных „интригах“? Или тогда П. Н. Милюков не протестовал?

Не можем не отметить характерного для „П. К.“ штриха. Всегда почти, когда на страницах его упоминаются В. Атаман или Член Рады, непременно ставится впереди „бывший“. Оно и понятно, раз „сменовеховство“, так и „ликвидаторство“.

Еще одна небольшая фактическая поправка. „П. К.“ утверждает, что „отказались от союза с „нашими самостийниками“ даже такая пражская „самостийная“ организация, как Кубанский союз (во главе с Макаренко, Бычем и др.), члены которой считают себя украинцами“. — Мы ничего не знаем о существовании Кубанского союза во главе с Макаренко и Бычем (нет ли здесь путаницы?). Ни мы Макаренко и Бычу никаких „предложений“ не делали, ни они нам. Так что и „отказываться“ от чего бы то ни было не было еще кому. Да в этом вопросе вообще „радоваться“ „П. К.“ рано: будет ли Кубань самостоятельна или пойдет с Украиной, — „П. К.“ одинаково будет плакать.

*****

Казачья эмиграция.

Среди казачьего студенчества.

Пленум Общеказачьей Студенческой Станицы в Чехословацкой Республике в своем заседании от 21 апреля с. г. избрал Редакционную Коллегию на 1928 год в следующем составе: В. Д. Белый, И. П. Вихлянец, П. И. Колачев, Г. И. Чапчиков и представителем от Правления Атаман В. А. Кузнецов.

Редакционная Коллегия приступила уже к выпуску очередного № 13 журнала „Казачий Сполох“, который выйдет в ближайшее время.

Адрес Редакции: Rumunská č. 1, Praha II.

В смешанном русско-казачьем учеб. завед.

(Из письма).

... Журнал на нас производит отрадное впечатление, а остальная публика (не казаки) недовольна. Есть ли у нас враги? — масса. А что касается наших казаков — так они все почти в загоне. Настроение отвратительное.

Кто у нас друзья? Конечно, все казачата; им журнала и нюхать не дают, его приходится прятать и читать при закрытых дверях. Много непонятной мне осторожности. Тяжело, когда жмут.

Седой казак.

27/IV-28.

Из Сербии вольный казак сообщает:

Недавно выехал на родину казак Донского Войска, который так много мечтал по родному Дону. Теперь он пишет следующее:

„Из Сербии, с места моего выезда, я доехал до дома за 13 дней. В пути на границе С. С. С. Р. карманники у меня вытащили все накопленные на дорогу день-

ги. Пришлось в дороге продать имевшиеся вещи, которые вывез из заграницы, дабы на вырученные деньги мог добраться до жены, детей и родного дома.“

Повсему надо судить, что это были не карманники, а настоящие советские пограничные друзья или товарищи, потому что у какогонибудь другого „нюни“ вытащили бы, можно бы было поверить, а у этого расторопного казака, — верить нельзя.

Казак Г. А.

Из письма — из Франции.

... ездили в Руан на концерт Жарова. Билеты очень дорогие, но право не жалко, такое огромное удовольствие мы получили.

За 9 лет я в первый раз забыла о всех своих невзгодах, хотелось и плакать и смеяться — так пели, так пели, что и передать невозможно!.. Ах, какое великое дело казачья песня, казачий хор и разношение им казачьего имени по целому свету, одно только жаль — только одну донскую песню пели, остальное — церковное и русское, а нашу кубанскую хоть бы вспомнили.

... я вспомнила молодость и выскочила в коридор, чтобы познакомиться и услышать разговоры о их путешествиях. Ведь они прославились на весь мир!

Французы были в восторге. У русских стояли слезы на глазах. У сынишки даже в ушах звенело от их песни, он очень был доволен, да к тому же получил от донцов шоколад. Я так апплодировала, что на другой день руки были в синяках и опухшие, не могла работать.

Пасху отпраздновали по старому стилю, делали все так, как и дома на Кубани, только яйца прокрасила почти насквозь — здесь нет специальной краски для яиц, французы их не красят, и пришлось употребить краску для платья и одежды. О куличах французы не имеют и понятия, стола не накрывают — тоже люди называются...

*****

Международная жизнь.

1 мая. Слухи.

День 1 мая ожидали в Европе не столько с тревогой, сколько с любопытством. „Опасались“ не мирных уличных шествий социалистов разных оттенков, — к этому в Европе привыкли. Красные знамена и различные оппозиционные надписи на социалистических щитах в этот день решительно никого теперь уже не пугают, а к тому же в некоторых государствах, как в Чехословацкой республике, в Гамбурге, Брауншвейге и т. д., 1 мая стало государственным праздником, и в чествовании этого дня труда принимают участие почти все классы населения.

Любопытство вызывали ожидания коммунистических выступлений, так-как известно было, что красная Москва, решив возобновить в иностранной политике так называемый „левый“ курс, дала приказ по коммунистическим партиям Европы, чтобы усилив боевую активность своих организованных членов, направить их деятельность на революционизирование пролетарских масс, использовавши для этого день 1 мая. Особенно энергичные приказания даны были французской коммунистической партии, которая вооруженными боями с полицией и уличными беспорядками должна была загладить решительную слабость партии, проявившуюся на только-что закончившихся выборах во французский парламент.

Опасения оказались напрасными, а коммунисты — бессильными. Там, где произошли внушительные численно манифестации, — там они были организованы не коммунистами, а социалистами; коммунисты, так сказать, к ним лишь примазывались. Там же, где у них были „бои“, это были бои не с полицией, а — с социалистами.

Особенно резкое поражение потерпели коммунисты в Париже. Прокламации, вызывавшие рабочих прекратить работу в этот день во всех предприятиях, не имели почти никакого успеха. Город имел совершенно будничней, рабочий характер, ничем не отличавший этот день от других дней недели. Единственные, кто подчинился коммунистическому призыву, были шоферы такси, не выехавшие в этот день из дому. Другим намерением французских коммунистов было мобилизовать всех своих членов и всех „попутчиков“ и организовать, — так, как это произошло в прошлом году летом, — бои с полицией и беспорядки, закончившиеся разгромом некоторой части магазинов на главных улицах Парижа. Это намерение закончилось также полной неудачей, хотя, как сообщают французские газеты, этот маневр был подготовлен коммунистами с военной планомерностью: установлена была дислокация действующих частей, организованы штабы, служба связи и т. д. Остроумный маневр парижского префекта полиции, знавшего, конечно, планы коммунистов, сделал всю эту организацию не дееспособною. Префект отдал полиции распоряжение конфисковать на этот день все принадлежащие коммунистам средства сообщения. Полиция задержала все появившиеся на улице коммунистические автомобили, мотоциклы, велосипеды и т. д.; красная армия осталась без приказаний и руководства и расплылась. Никаких выступлений не произошло, и Париж даже не заметил, как и почему это произошло. Московские деньги пропали даром, не произведя никакого эффекта.

Наиболее несчастливо для коммунистов прошло 1 мая в Варшаве. На большом митинге на одной из городских площадей они, желая спровоцировать беспорядок и замешательство в рядах митинговавших социалистов, открыли по ним огонь из револьверов. Социалисты ответили тем же и перешли в наступление, и полиции пришлось спасать воинствующих коммунистов. В перестрелке убито несколько человек и много ранено. Пострадали, главным образом, коммунисты, а социалисты „успешно“ выдержав „сражение“ продолжали первомайскую манифестацию, пройдя мирным шествием по главным улицам польской столицы. Между прочим, как сообщают польские газеты, из окон своего отеля за этим шествием с большим интересом наблюдала

афганская королевская чета, гостившая в это время в Варшаве.

Единственным городом в Европе, где коммунисты оказались 1 мая „на высоте положения“, была Москва. Но и здесь не обошлось без разочарований. В прежние годы в шествии в день пролетарского праздника, „добровольно“ принимали участие не менее 1—1½ миллиона людей. Теперь же даже по отчетам доброжелательных зрителей, этих „добровольцев“ было не более 500 тысяч. Очевидно, что настало для коммунистов время, когда и „добровольцы“ выходят из послушания.

Российская эмигрантская пресса взволнована намекающей в европейских политических кругах сменой настроений по вопросу о большевиках и возможности восстановления единой неделимой России.

„Французская печать, — читаем в „Посл. Новостях“, — занята теперь разгадыванием ребуса: английский министр Беркенхед посетил Германию; Чемберлен собирается посетить Пилсудского; польский министр Залесский посетил Рим; Муссолини весьма куртуазен по отношению к Чемберлену. Что значат эти слоги, если их соединить? И некоторые газеты читают этот ребус следующим образом: „интервенция в России... Вот ход их мыслей. Англии большевики надоели. Она не смогла взять их ни товарообменом, ни измором. Их следовательно, приходится ломать силой. Слабый пункт России, по мнению Англии, Украина. На Украине сильна тяга к самостоятельности полной. Опорой в действительной борьбе с Москвой может быть только Киев. Но Украина, предстательная себе самой, недостаточно сильна для похода на Москву. Она не вооружена. Кроме того, центробежные силы Украины могут встретить некоторое сопротивление в силах центростремительных. Украине надо протянуть руку помощи; еще вернее, толкнуть ее“.

При такой комбинации, продолжает газета, на ум прежде всего приходит Польша. Но Германия?

„Никакое действие Польши против России невысказано без содействия или, по крайней мере, нейтралитета Германии. Германию надо успокоить и чем нибудь подкупить. Англия достаточно богата и могущественна, чтобы попытаться это сделать с некоторой надеждой на успех... Но Польша связана с Малой Антантой! Связана с французской политической системой! Как войти ей в орбиту движения, попутного Германии? На это есть Муссолини и Италия“.

Короче говоря, поясняют „Посл. Новости“:

„Англия и Италия стремятся заручиться согласием Германии на серьезное действие против России путем вооружения Польши. Двигающей страстью этого действия должны служить украинский сепаратизм и польский империализм, поддержанные: по всей линии — английским золотом, а в некоторых пунктах — английским флотом“...

Сегодня, „более чем когда либо“ газете эти слухи „кажутся весьма вероятными“. Чтобы успокоить самих себя „Посл. Нов.“ заканчивают свое сообщение словами: „Для русского сознания узел этот затянут слишком туго. Киев против Москвы такое же уродство, как Москва против России“...

Как ни покажется успокоительным такое утверждение для российского сердца, ему теперь мало кто верит. И первый из них, как кажется, шеф „Посл. Новостей“ П. Н. Милюков. Как историку ему хорошо известно, что борьба Москвы и Киева народилась не сегодня, а несколько столетий тому назад. А как редактор, за два дня до напечатания цитированной статьи, он поместил в „Пос. Нов.“ передовую, в которой говорится, что воззваний —

„с надписью „да здравствует Россия“ — в России — просто никто не поймет...“ „А движение „во имя России“ скорее всего будет понято, как „великорусское

националистическое движение“, направленное против положения территорий, не выходящих в РСФСР.“

Почтенный профессор совершенно прав. Даже формула „Москва против России“ не такое уж „уродство“,

как это кажется его черезчур российскому сотруднику Москва — город национальный, и ей естественно ближе РСФСР. т. е. Великороссия, чем какая то „бывшая Россия“.

*****

Думы и мысли казачьи.

Христос Воскресе!!!

Рідні побратими, Кубанці!

Як тяжко і важко зараз на душі, хочеться плакати, алеж ніби хто підказує — терпи, казаче, терпи.

Страшно сказати — замість свяченого ягнятка, люди їдять огідну страву! Сьогодні небезпечно нашому козакові трудовникові-хліборобові понести до церкви те, що заробив він, бо відніме „рабоче-крестьянська влада!“

Сьогодні все козацтво дійшло до своєї голгофи — гадаю, що я не помилюся, як скажу, що тяжкого моменту страждань фізичних і моральних козацтво ще ніколи не знало за всю свою історію, бо раніше його хочі мучили, грабували й знущались над ним, та хоч не говорили в його імені і ніби в його обороні, його мучителі й кати, як те робиться тепер на світових торжищах!

Як не ховають козацтво наші гробокопателі, який тяжкий камінь не привалюють йому на труну, якими печатами не припечатують і яких кустодій не приставляють до його гроба — все даремно, бо не можна вбити правди і не можна загасити духа живого!

Святої й чистої справи нашої не зможуть опоганити поцілунками своїми ніякі юди, а сили пориву козачого ніякі ворота пекольні — подолати!

І хочь ми й плачемо сьогодні на Вавілонських риках і ридаємо дома в той час, як щастливі народи, що так само як ми воскресли з небуття, весело святкують сьогодні день свого воскресення, як домовитий господарь у своїй власній хаті, — хоч у нашій хаті кат святкує, та ми не повинні тратити ні на хвилину віри й надії в те, що й ми невдовзі свого досягнемо, бо твердо віримо в наше воскресення! Бо вмирають люди, а ідеї вічні, і тим дужчі ідеї, чим більше за них прийато мук!

Тому всі хвилини тяжкого смутку й горя національного не тратемо віри й надії, а кличемо до всіх наших дорогих братів і сестер скріз по широких ланах Кубанських і по чужих притулках; кріпиться брати, й сестри, не пускайте зброї з рук і в розпач не впадайте, бо ще й ми діждимось Божої ласки!

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Воскресе й Кубань Ненька!..

Трегуб Петро.

В чем дело?

Хоть и дороги ресницы,
Но глаза все же дороже.
(Калмыцкая поговорка).

Во избежание недоразумения, должен заявить — я не вхожу в состав группы „В. К.“, но тем не менее мне непонятны те жестокие нападки, какие делает на „В. К.“ другой казачий журнал „П. К.“

— Свободно высказанная воля Казачества — закон для всякого казака, говорит „В. К.“

— Это преступление перед Россией и предательство казачьих интересов — говорит „П. К.“

В чем дело?

И на то, что я буду говорить ниже, надо смотреть не как на попытку кого либо защитить или очернить, а как на размышление и искреннее недоумение простого казака по поводу „войны“ между этими двумя казачьими периодическими журналами.

„1. Всевеликое Войско Донское есть самостоятель-

ное Государство, основанное на началах народоправства.

2. Верховная и законодательная власть в пределах Войска Донского принадлежит Войсковому Кругу“*).

„1 Настоящий Войсковой Круг, созданный по постановлению Круга Спасения Дона на основании всеобщего, равного и тайного избирательного права, является Верховной государственной Властью в пределах земли Войска Донского“**).

2. „Обещаюсь честью Донского казака перед Всемогущим Богом и перед святым Его Евангелием и Честным Крестом, чтобы помнить престол Иоанна Предтечи и Христианскую веру и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, но быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому, Своему Отечеству... Возложенный на меня долг службы буду выполнять с полным напряжением сил, имея в помыслах только пользу Войска Донского и не щадя жизни ради блага Отечества“***)..

Вот Основные Законы, принятые подлинными представителями всего Донского Казачества, его Верховной государственной Властью — Войсковым Кругом и текст присяги, по которому все сыны Дона клялись служить только ему — своему Отечеству.

Никаких оговорок, никаких впредь до... Точно и ясно. Так клялись и Святой Крест целовали все те, кто стоял у кормила исполнительной и законодательной власти Донского Государства, как и все донские казаки. Так было всего десять лет тому назад. Тогда ни одному казаку не приходила в голову мысль сказать, что это — позорное явление, недостойное чести казака.

Защищая это свое Отечество, казаки вели беспощадную борьбу с его врагами. Но сила солону ломит. Казачество потерпело физическое поражение, но не склонив своей головы пред врагом, ушло в изгнание со всеми своими государственными институтами — выборными Атаманами, Правительствами и своими Парламентами — Кругами и Радой.

Прошло десять лет. За это время много воды утекло, многое изменилось, но не изменилось одно: над Казачьими Краями безраздельно царствует тот же враг — большевики.

Все это время пылкий ум казачьей молодежи и казачьей общественности, пребывающей на чужбине, судорожно искал путей спасения Родных Краев и, не найдя лучшего пути, остановился на старом.

И, как выразитель этого выбора, появился в Праге журнал „Волное Казачество“, поставивший первым пунктом своей программы: „Освобождение Дона и Кубани из под власти Р. С. Ф. С. Р. и С. С. С. Р. и созыв: на Кубани — Кубанской Рады, на Дону — Донского Круга, как суверенных Учредительных Собраний, над волей которых нет никакой иной высшей власти“, т. е. осво-

*) Основные Законы Всевеликого Войска Донского, принятые Большим Войсковым Кругом 15 сентября 1918 года. Часть Общая. Раздел I, Глава I.

**) Положение о Войсковом Круге принятое Большим Войсковым Кругом В. В. Д. 24 августа 1918 года, Глава I.

***) Текст присяги об'явленный в приказе Донского Атамана 6 июля 1918 года, №447. Аналогичный текст присяги в том же приказе и для казаков буддийского вероисповедания.

бождение Казачьих Краев от власти большевиков и восстановление государственности, разрушенной большевиками.

Казалось, такое желание части казачьей молодежи и общественности так естественно, что иначе и быть не могло. Но случилось совершенно непонятное. Как раз те лица, которые десять лет тому назад вырабатывали вышеприведенные положения Донского Государства, т. е. уже проводили и осуществляли в жизни желание части современной эмигрантской казачьей молодежи, повели кавалерийскую атаку на эту молодежь, объявляя ее изменниками России, предательницей Казачества, а ее желание — позорящим честь и достоинство казака.

Я не буду говорить об отношении общероссийских политических партий, группировок, которые без скрежета зубового не могут говорить о „В. К.“. Это так естественно, ибо до настоящего времени еще не было ни одной русской политической партии, искренно благожелательно к Казачеству относящейся.

Ведь, недаром говорил всенародно избранный Донской Атаман на I-м Заседании Большого Войскового Круга 16 августа 1918 года: „Руки прочь от нашего казачьего дела те, кто проливал нашу казачью кровь, те, кто злобно шипел и бранил казаков. Дон — для донцов“.

И ни один казак не сказал, что это преступление перед Россией.

Так было тогда, а теперь?

Самую жестокую атаку, борьбу не на живот, а на смерть, против „В. К.“ повел казачий журнал „Путь Казачества“, редактируемый Председателем Верховной Государственной Власти Дона — Донского Круга В. А. Харламовым. Новое (по существу старое) движение в кругах „П. К.“ вызывает „чувство глубокого омерзения и презрения“. В. И. Сидорин, б. Командующий Донской Армией, высказывает опасение, как бы это движение „среди... опустошенных душ“ не нашло себе последователей, как будто казачьи души в эмиграции так опустошены!

Для уничтожения нового течения руководители „П. К.“ пускаются в различные экскурсии, занимают „чтением в сердцах“. Какие только слова и эпитеты не придумываются!

Но вот странно, почему же на призыв Донского Атамана в 1918 году „Дон — для донцов“, В. А. Харламов, председательствовавший на заседании Круга, где был выброшен вышеозначенный лозунг, не объявил тогда Атамана предателем Казачества и врагом русского народа?

Почему теперь слова о казачьей самостоятельности воспринимаются, как ненависть к русскому народу. Разве Казачество в период своей самостоятельной жизни 1919—20 годах ненавидело русский народ?

Почему теперь говорить о признании и мирной жизни с Украиной стало так преступно, а в 1918—20 годах можно было к ней посылать Донскую Зимовую Станицу — Посольство?

Неужели покойный донской казак генерал Мамантов, кумир Донского Казачества, когда говорил на заседании Верховного Круга об отказе от миссии спасения русского государства и об обращении всей казачьей силы на спасение своих Казачьих Краев, был врагом русского народа и предателем казачьих интересов?

В чем дело и что случилось?

„П. К.“ обвиняет „В. К.“ в следующих смертных грехах: 1) Попытке подвести историческое обоснование Казачества, как народа отличного от русского и 2) желании видеть Казачество самостоятельным государством.

Он доказывает, что у Донского Казачества никогда не было стремления к самостоятельности и, в доказательство этого своего утверждения, приводит выдержки из второстепенных документов периода самостоятельной жизни Казачества, совершенно обходя молчанием основные документы — Донскую конституцию, Положение о Войсковом Круге и Текст присяги — которые являлись для всего Донского Казачества формальными и нравственными законами.

Я, конечно, не берусь утверждать, стремилось или не стремилось Донское Казачество к отделению от России. Но исходя из одного факта что Казачество однажды отделилось от большевизмской России и объявило себя самостоятельным государством и присягало без всяких оговорок защищать свое Отечество, спрашиваю: освобождают ли казаков последующие дополнительные в стороне заявления „впредь до...“ от данной им клятвы?

Или казаки, по мнению „П. К.“, присягая перед святым Евангелием и целуя Крест, должны были подразумевать это самое впредь до...“?

Мне кажутся совершенно не серьезными те иронические возражения, что, мол „забубенные головы“ выдумали „казачью нацию“, „казачий народ“. Но Казачество существует и ни в чем признании не нуждается. А что, если оно в условиях полной свободы, устами своего представительного органа подтвердит старое положение, бывшее в 1918—20 годах и скажет: хочу жить самостоятельно. Как тогда поступят противники казачьей самостоятельности?

Также наивны доводы „П. К.“, принципиального противника казачьей самостоятельности, о том, что самостоятельная жизнь дорого обойдется, — невозможно, мол, будет содержать правительственный аппарат и т. д. Ну, а если Казачество изыщет средства и правительственный аппарат не будет в тягость населению? Тогда, значит, можно Казачеству самостоятельно жить? Где же принцип, логика?

Я, лично, не разделяю теории об особом казачьем народе. Однако, это не дает мне права объявлять „В. К.“ врагом, предателем Казачества. Дело не в названии, а в существе. Все согласны и ни кто не может оспаривать, что существует нечто, именуемое Казачеством. Как хотите его назовите — народ, сословие, бытовая группа и т. д. — это не меняет дела, Казачество существует, имея свое население, территорию и однажды ясно выраженное желание жить самостоятельной государственной жизнью.

И как мне кажется, теперь это самое положение желает восстановить „В. К.“, так почему же направление, выражаемое им, является преступным? Разве условия жизни Казачества изменились, что так говорить стало уже преступлением? Разве большевики уже свергнуты и на огромном пространстве б. Российской Империи царит прекрасная дама — Свобода, а под ее крылом красивым цветком расцветает Вольное Казачество?

Нет же!

Или разве Казачество уже примирилось с большевиками, с властью СССР и не желает освобождения Родных Краев? Опять нет! Все мы знаем — как Казачество на Родине, так и в эмиграции страстно желает этого освобождения и в свое время не на жизнь, а на смерть вело борьбу с этой властью. Теперь вся эмигрантская русская печать единым хором заявляет, что и русский народ также до смерти ненавидит эту власть и страстно желает освобождения от нее, хотя в недалеком прошлом свидетельства этой ненависти русского народа на деле мы не видели.

Таким образом, падения этой власти желают все. Нужно ли с нею бороться? Тут начинается столпотворение. На этом вопросе ломает шпаги русская эмиграция. Теперь, видимо, настала очередь ломать шпаги и казачьей эмиграции.

Нам говорили, что все исторические явления подчинены неизменному закону, и большевизм, не являющийся исключением от этого закона, не может и не должен долго царствовать в России. Сначала срок пребывания большевиков определяли несколькими неделями, потом месяцами и годами, а теперь срок этот готов исчислять десятилетиями. Веря в этот закон, мы уже восьмой год пребываем на чужбине в ожидании неизбежного падения большевиков. Но, как видим, некоторые исключительные явления могут продолжаться очень долго.

Один большой русский ученый и выдающийся политический деятель на основании глубокого и точного анализа мировых событий и внутреннего положения СССР из года в год нам предсказывает неизбежное падение большевиков, сопровождая свое предсказание

просьбой: Ради Бога не трогайте большевиков, они сами падут. А как только начнете их бить, они моментально укрепаются.

Вторя этому ученому и „П. К.“ вот уже шестой год нам проповедует бережное отношение к большевикам. И царила „тишь да гладь и Божья благодать“. Но вот появляется дерзкая казачья молодежь, „забубенные головушки“, которым „и своя шейка — копейка, и чужая головушка — полушка“ и говорит, что нужно бить большевиков и, хотя бы с чужой помощью, освободить от их власти свои Края.

И разгорелся сыр бор. Но почему же желание освободить от большевиков Родные Края — предательство? Придут новые господа и хуже будет для населения?

Но разве одна из самых левых русских газет недавно не сказала, что всякая власть лучше большевицкой?

Я, лично, готов освобождать свой Родной Край даже при помощи чужих сил (что поделаешь, раз своей силы не хватает), ибо считаю, никакая чужая помощь дороже не обойдется, чем безраздельное владычество большевиков над имуществом, жизнью и душою наших собратьев. Никакой хитроумный англичанин при всем своем желании не может внести в душу народа такое моральное разложение, как большевики, и никакая внешняя сила не в состоянии превратить Казачьи Края или Россию в колонию какого нибудь „прозорливого государства“, как это сделали большевики, превратившие всю территорию б. Российской Империи в колонию „Интернационального“ государства.

Опровергать это — значит не верить во внутреннюю национальную силу своего народа. Почему обращение к внешней силе так преступно? Почему не позорное в 1918-20 годах стало позорным в 1928 году? Почему г. Сидорин теперь так боится „долгов“, какие, якобы делает „В. К.“? А сам в 1928-20 годах, в качестве Командующего Донской Армией, так добивался сделаться „должником“ того же самого „прозорливого государства“?

Разве все эмигрантские политические партии, группировки не делают такого рода „долги“? Разве все это бесконечное множество газет и журналов эмигрантских издаются на собственные русские деньги? Разве большинство из них не издаются на такого сорта „долгах“?

Наконец (я не утврждаю, думаю „В. К.“ это раз’яснит), я слышал, что сам Сидорин собирался сделать вот этот самый „страшный“ долг и возглавить течение „В. К.“ и, как будто, по не от Сидорина зависящим обстоятельствам, это ему не удалось.

Шамба Балинов.

(Окончание следует).

Открытое письмо Генералу Сидорину*).

Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?...

Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли, если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас. (Ис.)

Камо грядете, вожди Донского Казачества? Беспредельному лицемерию, кощунству должен быть положен конец. Всею время и без времени ничто. Время убивать, время врачевать, время молчать, время говорить, время любить, время ненавидеть. Кто не знает Вашего имени, может еще усумниться, но для меня, сомнению нет места.

Прежде всего, кто из казаков, обитающий на полях изгнания, искренне не разделяет интересов пред-

ков, тот не казак, а лже-казак — предатель, — хнычущий царский раб. Если Вы, Г. Сидорин, чувствуете свое бессилие на самостоятельное существование, и если для Вас интересы Москвы выше интересов Казачества, то Вы обязаны по долгу совести немедленно присоединиться к рядам б. самовластных московских бояр и в совокупности с оными одеться во вретиче, опаять чресла, посыпать седину пеплом и громко оплакивать, как тень, минувшее счастье времен самодержавия. Вы утверждаете, что Россия в своих интересах не поступится, но да это же вполне естественно, что всякий хозяин своего не отдаст, но непринадлежащее ему, как-то: украденное, награбленное и т. д. отберут по закону. Я хотел бы просить Вас, В. И., пояснить мне следующее: Вы собственно о каких это интересах толкуете? Если об интересах Москвы, то таковых нарушать или захватывать путем страшных мук, истязаний и казней, никто не собирается и против Москвы не вооружается, если же об интересах Казачества, которые присвоены мошенством и силой, так на такие она не имеет юридических прав. Интересы, свобода и независимость Казачества, за которые не раз подымался Вольный Дон во главе славных атаманов Булавина, Разина... предательством атаманов и старшин бесчестно растоптаны в ногах Петра. Вы, быв. птенцы царских ласк и подачек, как усердные метельщики, гребете все в самодержавный дом, а казаков пустили по миру с сумой.

В ж. „П. К.“, в котором Вы имеете честь сотрудничать, сказано: „Казачество отдельно от России существовать не может!“ Как видно Вы перепутали собственную мысль и доказываете ложное. Это верно, но только обратно. Нужно иметь предел совести. Кричать 10 лет о казачестве и в тоже время отмахиваться неспособностью к созиданию и творчеству, так лучше всего не мешать делать казачье дело другим. Казачество вообще и Украина, поработенная Россией, никогда актов, в которых бы она отказывалась от своих правых интересов, не подписывала, а потому каждому своей удел. Россия обогатилась и возвеличилась за счет Казачества. Вы, господа „П. К.“, осыпаете Россию бисером любви, а она Казачество ненавистью и кровью. Любовь России к Казачеству — любовь мачихи. Г. Г. передовые люди Казачества, если нас обманули Ваши предки (как обманули и Вы), продав Дон Москве за кусок земли и почетное звание „дворянин“, так подобное жульничество не вечное, а преходящее.

Разве Казачество не способно к созиданию и творчеству? Разве так убоги казачьи недра? Разве на Дону, Кубани и пр. живут дикие людоеды? Вы пугаете Англичанами и др. народами, — это вздор Ваших глаголов.

Господа сотрудники „Пути Каз.“, час девятый! Пора Казачеству заговорить одними устами, одним языком, т. е. быть рыцарями защиты прав Казачества, а не политическими жуликами. В борьбе обретете право свое, а не в предательстве и мошенстве. Вы, господин Сидорин, под маской казачьего демократа, заручившись транзитом „П. К.“, торопитесь не на Дон к шумящему майдану Войск. Круга, а в Москву, чтоб попасть за круглый столик, на котором начертана судьба Казачества. Не принесет круглый столик счастья Казачеству. Верный путь Казачества: Ю.-В.С.К.Р. Задача Казачества: братское объединение Дона, Кубани, Терека, Украины и народов Кавказа под знаменем Юго-Вост. Союза Казачьих Республик, в мирном сожительстве с Россией, простив ей прегрешения ужасов и насилий. Братья казаки, идя сим путем, мы обрящем родные Края под сенью свободы, вольности и братства!

Померкла звезда второго пришествия самодержавия.

Да здравствует Вольное Казачество!

Да здравствует Ю.-В.С.К.Р.!

Донской казак Павел Кудинов.

22/II-27. Болгария.

* Письмо принадлежит перу известного героя восстания Верхне-Донского Округа.

В Казачьих Землях.

Как на Дону ведется хозяйство*).

Расходы (бюджет) по Донскому округу представляют неважную картину.

Так, на содержание административных учреждений перерасходовано 97 тыс. рублей или свыше 10% ассигнований, в то время, как по директиве центра расходы эти подлежат всемерному сжатию. Но зато на нужды народного образования недодано 40 тыс. руб. и на нужды сельского — 22 тыс. руб.

В то же время в округе отмечается крайне неравномерное обслуживание населения социально-культурными, хозяйственными и школьными учреждениями. Так, в Ейском отделе на одну школу в среднем приходится 3015 челов., в Новочеркасском округе 1900 чел., в Богаевском районе 900.

Такое же положение наблюдается и в области здравоохранения; количество населения на одну койку колеблется от 864 чел. до 3500 при норме 500, причем и имеющаяся коечная сеть часто загружается только на 50%-70%, вследствие недостаточной приспособленности больничных помещений, недостатка больничного инвентаря и т. д.

Значительный перерасход на содержание административных учреждений должен был бы предполагать больше заслуги у административного аппарата в деле постановки счетного дела и ведения дела. Протоколы же Госуд.-финан. контроля говорят совсем обратное:

„Почти во всех районах выявлена неудовлетворительная постановка счетного дела и несоблюдение эле-

*) Сведения составлены по материалам Государств. финанс. контроля.

ментарнейших правил хранения и расходования денежных сумм. При внезапных ревизиях касс районов сплошь и рядом обнаруживаются непроведенные по книгам расписки и векселя“.

Можно ли удивляться, что в ряде учреждений обнаружены растраты и хищения?

В Богаевском район. финан. отделе обнаружены растраты на сумму 6800 руб., в Батайском на 5200 руб., в Куцевском свыше 7000 руб. и т. д. В этом последнем районе размеры авансовой задолженности, по приблизительным данным, превысили 12% всей расходной части.

В других областях донского хозяйства картина не лучшая.

„Учет коммунального хозяйства, говорят протоколы контроля, в некоторых районах поставлен настолько плохо, что отделы местного хозяйства не знают, где и какое имеется в их распоряжении имущество“.

Так в Ейском отделе **) по одним сведениям числится 252 торгово-складочных помещения, по другим 187, по третьим 132.

Недоимки по арендной плате в Богаевском районе достигли 50% годового дохода, в Куцевском 12800 руб.

В качестве яркого примера бесхозяйственности можно привести ремонт кирпичного завода в Куцевском районе, на котором отремонтированная печь (затрачено 20.000 руб.) оставалась совершенно в негодном состоянии, а отремонтированные сараи обвалились, превратив в кучу глины сложенные там 1.400.000 штук кирпича.

**) Ейский отдел почти целиком при большевизмом районировании входит в Донской округ.

Розыски.

Казака станицы Усть-Белокалитвенской (студента) **Ивана Пантелеймоновича Егорова** или лиц, знающих его местопребывание, друзья просят сообщить адрес в редакцию „Вольного Казачества“.

АДРЕС Полковника Закрепы **Бориса Ивановича**, проживающего в г. Бордо просит сообщить в редакцию „В. К.“ **С. ФЕДОРОВ**.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество —

Вільне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ. Студеничка, 17, Белград.

Розничная продажа журнала:

В Париже: **Jacques Povolozky et Cie, Editeurs, 13, Rue Bonaparte, Paris VI.**

В Праге: Чешско-русско-украинский книжный магазин **F. Svoboda, Václavské nám., 57.**

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

ВЫШЕЛ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ ВТОРОЙ
НОМЕР КАЛМЫЦКОГО (КАЗАЧЬЕГО) ЖУРНАЛА.

„УЛАН ЗАЛАТ“

Издание Калмыцкой Комиссии Культурных

Работников в Ч. С. Р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО № в РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ:

В Ч. С. Р.	9 корон чешских.
В Югославии	15 динар.
В Болгарии	30 лева.
Во Франции	7 фр. 50 с.
В других странах	45 ам. ц.

ДОСТАВАТЬ МОЖНО:

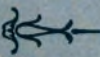
Во Франции: Казачий Союз, 1, Villa² Chauvelot, Paris XV-e
В Югославии: Санжи Цуцуков, Белград, улица Краля
Александра, №. 120.

В Болгарии: Бадьма Иванов (Калмыцкий Комитет), Со-
фия, кв. Хаджи-Дмитров, ул. Арчарица, №. 19.

В Чехословакии: Чешско-Русский книжный магазин Ф.
Свобода, Вацлавская пл., №. 57.

Адрес Редакции и конторы: **Revnice, č 120, Tchecoslo-
vaquie.**

Открыта подписка
на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

Вільне Козацтво

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч. С. Р.	3 кр.	В Болгарии	10 лева
В Польше	0.75 зл.	Во Франции	2 фр. 50с.
В Югославии	5 дин.	В других странах	15 ам. ц.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1 Tchecoslovaquie.

Всякого рода типографские работы .

выполняются дешево и аккуратно

на всех славянских языках.